

*Яркий, незабываемый
и жизнеутверждающий роман.*

— BOOKLIST

БЕЗДНА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

Автор бестселлеров по версии *New York Times*

НИЛ ШУСТЕРМАН

Его жизнь — ВодоВорот безумия.

18+

Нил Шустерман
Бездна Челленджера

«Popcorn books»

2015

ББК 84(7Coe)-44

Шустерман Н.

Бездна Челленджера / Н. Шустерман — «Popcorn books», 2015

ISBN 978-5-6042196-5-2

Кейдену Босху — пятнадцать, он отличник, а еще замечательный художник. В последнее время он все чаще бродит по городу наедине со своими мыслями. Друзья и семья замечают, что он стал каким-то растерянным и задумчивым. Кейден много рисует, рисует что-то чересчур странное и непонятное. А еще ему кажется, что одноклассник хочет его убить... В то же время Кейден путешествует на огромном корабле. Его миссия — добыть несметные сокровища в Бездне Челленджера. Только вот в настоящем мире Бездна Челленджера — это бездна безумия, в которую Кейден с каждым днем погружается все глубже. Нил Шустерман написал очень личную книгу, в которой пытается разобраться с тем, каково это — «плыть темными, непредсказуемыми водами душевной болезни».

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-6042196-5-2

© Шустерман Н., 2015

© Popcorn books, 2015

Содержание

Благодарности	7
1. Фи-фай-фо-фам	9
2. Лететь целую вечность	10
3. Для твоего же блага	11
4. Они до тебя доберутся	12
5. Я – компас	13
6. Так вызываяще	14
7. Бездна благотворительности	15
8. Проверка реальности	16
9. Не ты первый, не ты последний	18
10. Кухня с ужасами	19
11. Нет худа без добра	20
12. Шопинг шизиков	21
13. Низа не существует	22
14. Туда отсюда не попасть	24
15. Мы стоим на месте	25
16. Уборщик	26
17. Заплатил бы, чтобы поглядеть	27
18. Загадочная пепельница	28
19. Заргон расплывается	29
20. Попугаи всегда улыбаются	31
21. Анкета члена экипажа	32
22. Матрас его не спас	33
23. Восемь с половиной секунд	35
24. Не думай, что она только твоя	38
25. У тебя нет разрешения	39
26. Всякие гадости	40
27. Немытые массы	41
28. Хоровод красок	42
29. Я дружу с тарабарами	43
30. Мушиный полет	44
31. Это все, чего они стоят?	45
32. Меньше чем ничего	46
33. Слабость покидает тело	47
34. За ее спиной	48
35. Подозрительные лица	50
36. Без нее мы погибнем	53
37. Слепой на третий глаз	54
38. А вот и хоботок!	55
39. Созвездие «Скантрон»[7]	58
40. Ад на плаву	59
41. Ничего интересного	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нил Шустерман

Бездна Челленджера

CHALLENGER DEEP

by Neal Shusterman

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Перевод с английского: Екатерина Морозова

Иллюстрации: Брендан Шустерман

Иллюстрация на обложке: Энди Бридж

Леттеринг: Максим Балабин

© Екатерина Морозова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2019

CHALLENGER DEEP

Text copyright © 2015 by Neal Shusterman

Interior illustrations copyright © 2015 by Brendan Shusterman

Cover art © 2015 by Andy Bridge

All rights reserved.

* * *

БЕЗДНА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

НИЛ ШУСТЕРМАН

Иллюстрации БРЕНДАНА ШУСТЕРМАНА

Посвящается доктору Роберту Вудсу

Благодарности

«Бездна Челленджера» – плод любви, который мы создавали много лет. Прежде всего я хочу поблагодарить моего сына Брендана за его вклад в эту книгу, моего другого сына Джаррода за его чудесные буктрейлеры и моих дочерей Джоэль и Эрин за то, что вдохновляли меня (и вообще они замечательные). Хочу выразить глубокую благодарность моему редактору Розмари Броснан, помощнику редактора Джессике Макклиш и сотрудникам издательства HarperCollins за все, что они сделали ради моей книги. Спасибо моим ассистентам, Барб Собель и Джессике Уидмер, помогавшим мне не забывать о социализации и публичных выступлениях. Хочу также поблагодарить общество Orange County Fictionaires за многолетнюю поддержку и конструктивные отзывы, Национальный альянс по психическим заболеваниям (NAMI) за всю предоставленную информацию и, наконец, моих друзей, которые всегда были рядом.

Спасибо вам! Моя любовь к вам глубже Марианской впадины!

1. Фи-фай-фо-фам

Ты знаешь два факта. Первый – ты там был. И второй – тебя там быть не могло.

Чтобы удержать в голове эти две несовместимые истины, надо уметь жонглировать. Конечно, чтобы смотрелось эффектно, жонглеру нужно три мячика. Третий – время, и оно отлетает под такими непредсказуемыми углами, что я никому не пожелаю испытать это на себе.

Сейчас пять утра. Так показывают часы на батарееках, висящие на стене твоей спальни. Они тикают очень громко, и тебе иногда приходится душить их подушкой. Здесь пять утра, а где-нибудь в Китае в то же время пять вечера – как видишь, в мировых масштабах несовместимые факты отлично ладят меж собой. Но ты уже запомнил, что направлять свои мысли в Китай не всегда разумно.

За стеной спит твоя сестра, дальше – комната родителей. Папа храпит. Скоро мама начнет пихать его, пока он не перевернется набок. Тогда храп умолкнет, может быть, до самого рассвета. Все это нормально и привычно – и очень успокаивает.

На участке напротив включаются разбрызгиватели, и их шипение заглушает тиканье часов. Водяную пыль можно учуять в окно – немножко хлорки и уйма фтора. Разве не прекрасно, что у соседского газона будут здоровые зубы?

Это шипят разбрызгиватели, а не змеи.

И дельфины, нарисованные на стене у сестры, ничего не замышляют.

А пугало не наблюдает за тобой.

И все равно иногда ты не можешь спать по ночам, потому что сосредоточенно жонглируешь. А вдруг один из мячиков упадет? Что тогда будет? Ты боишься себе представить. Потому что только этого и ждет Капитан. Он умеет терпеть. И он ждет. Вечно.

Капитан был, еще когда не было корабля.

Странствие началось с него, и ты подозреваешь, что им и закончится. А все, что между, – не более чем мука меж мельничных жерновов. Или это не мельницы, а великаны, мелющие кости себе на хлеб?

Крадись на цыпочках, не то потревожишь их покой.

2. Лететь целую вечность

– Никто не знает, какой она глубины, – произносит капитан. Его левый ус подергивается, как крысиный хвост. – Если упасть в эту темную пропасть, пройдет много дней, прежде чем ты достигнешь дна.

– Но глубину впадины уже измеряли, – осмеливаюсь вставить я. – Туда спускались. Я знаю ее точную глубину – десять километров девятьсот сорок метров.

– Знаешь? – передразнивает он. – Да что может знать пугливый, тощий щенок вроде тебя? Ты не видишь ничего дальше кончика своего мокрого носа! – Он хохочет над тем, как описал меня. Капитан всю жизнь провел в море и весь покрылся морщинами, хотя бóльшая их часть скрыта под темной спутанной бородой. От смеха морщинки натягиваются, и на шее проступают мышцы и сухожилия. – Верно, мореходы, заплывавшие в воды впадины, хвалились, будто видели дно, но они лгут. Лгут и множат ложь, и ложь ложится и лежит, а ты не трожь...

Я уже перестал пытаться понять речи капитана, но они все равно действуют мне на нервы. Как будто я что-то упускаю. Что-то очень важное и обманчиво простое, что я пойму, когда будет слишком поздно.

– Этот путь длится целую вечность, – продолжает капитан. – И не верь тем, кто говорит иначе.

3. Для твоего же блага

Мне снится сон. Я лежу на столе в ярко освещенной кухне, где все сверкает белизной. Кухонная утварь здесь не то чтобы новая – скорее, притворяется таковой. Она из пластика и частично из хрома – но в основном из пластика.

Я не могу пошевелиться. Или не хочу. Или боюсь. Каждый раз, когда я вижу этот сон, все немножко по-другому. Вокруг меня люди, только это не люди, а замаскированные чудовища. Они залезли мне в голову, выдернули оттуда несколько образов и сделали из них маски моих близких. Но я знаю, что это просто обман.

Они смеются и обсуждают что-то непонятное, а я застыл среди этих масок, в центре всеобщего внимания. Они любят меня мной – как обычно любят тем, что скоро исчезнет.

– По-моему, ты рано его вынул, – говорит чудовище с лицом мамы. – Еще не готово.

– Проверить можно только одним способом, – отвечает другое, притворяющееся моим отцом. Я чувствую, как вокруг меня все смеется. Смех исходит не изо ртов, потому что рты масок неподвижны. Смех – в их мыслях, летящих в меня из прорезей для глаз, словно отравленные дротики.

– Это для твоего же блага, – произносит одно из чудищ. Их животы урчат громче извержения вулкана. Монстры тянутся ко мне и когтями разрывают свой обед на кусочки.

4. Они до тебя доберутся

Я не помню, когда началось наше плавание. Мне кажется, что я был здесь всегда, хоть это и немыслимо – до этого ведь были прошлая неделя, месяц или даже год. Впрочем, я практически уверен, что мне все еще пятнадцать. Даже если я плывал на этой древней деревянной посудине много лет, мне все равно пятнадцать. Время здесь устроено иначе. Оно движется не вперед, а вбок, как краб.

Я не знаком с большинством членов экипажа. Или я их просто не запоминаю, для меня все они на одно лицо. Здесь есть старики, они, кажется, прожили всю жизнь на море. Они корабельные офицеры, если можно так выразиться. Как и капитан, эти старики – словно одетые на Хеллоуин пираты с замазанными черной краской вставными зубами; они стучат в ворота ада с криками: «Сласти или напасти!» Я бы посмеялся над ними, если бы не боялся в глубине души, что они выковыряют мне глаза своими пластмассовыми крючьями.

Есть тут и мне подобные – совсем еще дети, за какие-то грехи изгнанные из теплых домов (или из холодных, или вообще с улицы) по тайному сговору родителей, чье недремлющее око видит все не хуже Большого Брата.

Мои товарищи, и мальчики, и девочки, занимаются своими делами и обращаются ко мне разве что с фразами вроде: «Посторонись!» – или: «Руки прочь от моих вещей!» Как будто хоть у одного из нас есть что-то ценное, что стоило бы красть. Иногда я пытаюсь как-нибудь им помочь, но они отворачиваются или отталкивают меня, оскорбленные уже тем, что я предложил помощь.

Мне все время мерещится, что на корабле плывет и моя младшая сестра, хотя я знаю, что ее тут нет. Разве я не обещал в это время помочь ей с математикой? Я представляю, как она ждет меня целую вечность, но не знаю, где она. Я понимаю, что сегодня до нее не дойду. Как я могу с ней так поступать?

За всей командой пристально наблюдает капитан, чье лицо мне одновременно знакомо и незнакомо. Кажется, он знает обо мне все, а я о нем – ничего.

– Мое дело – запустить пальцы в самое сердце *ваших* дел, – сказал он однажды.

У капитана повязка на глазу, на плече сидит попугай. У попугая – тоже повязка на глазу и жетон сотрудника спецслужбы на шее.

– Я не должен быть здесь! – взываю я к капитану, гадая, не говорил ли этого раньше. – У меня контрольные на носу, рефераты не сданы и грязная одежда на полу валяется. А еще меня ждут друзья, много друзей.

Челюсть капитана не двигается – он не отвечает, но попугай произносит:

– Здесь у тебя тоже будет много-много друзей.

Какой-то парень шепчет мне на ухо:

– Ничего не говори попугаю! А то они до тебя доберутся.

5. Я – компас

То, что я чувствую, нельзя выразить словами – или эти слова будут принадлежать языку, которого никто не поймет. Мое подсознание разговаривает на своем собственном наречье. Радость оборачивается злобой, та перетекает в страх, становящийся ироничным удивлением. Ощущение, как будто ты выпрыгиваешь из самолета, широко раскинув руки, без тени сомнения в том, что умеешь летать, потом понимаешь, что все-таки не умеешь, и летишь не только без парашюта, но еще и совершенно голым, а внизу собралась огромная толпа с биноклями, и все смеются, пока ты пулей летишь навстречу своей постыдной судьбе.

Штурман советует мне не волноваться. Он указывает на блокнот из пергамента, где я рисую, чтобы убить время.

– Выплесни свои чувства в узор и краски, – говорит он. – Узор-позор-пугач-богач, настоящее твое богатство – в рисунках: они хватают меня, кричат мне, заставляют меня смотреть. Мои карты указывают путь, но твое видение дает *направление*. Ты компас, Кейден Босх. Ты компас!

– Если я компас, то толку от меня мало, – замечаю я. – Я даже не знаю, где север.

– Еще как знаешь! – отвечает штурман. – Только в этих водах север постоянно гоняется за собственным хвостом.

Мне вспоминается один мой давний приятель, считавший, что север всегда там, куда он встанет лицом. Пожалуй, в этом что-то было.

Штурман вызвался делить со мной каюту, когда мой прежний сосед, которого я уже с трудом помню, исчез в неизвестном направлении. Здесь мало места даже для одного, однако нас двое.

– Ты достойнейший из здешних недостойных обитателей, – говорит он мне. – Твое сердце пока не пропиталось морским холодом. А еще – у тебя есть дар. Дар-пар-парус-зависть, при виде твоего таланта весь корабль позеленеет от зависти, попомни мои слова!

Этот парень не впервые на корабле. А еще он дальнорезкий. То есть если он смотрит на кого-нибудь, то видит не его, а что-то позади, в бесконечно далеком другом измерении. Как правило, он вообще не смотрит на людей, слишком занят своими навигационными картами. По крайней мере, так он их называет. Это нагромождения цифр, слов, стрелок и линий, соединяющих точки-звезды в незнакомые мне созвездия.

– Здесь другие небеса, – объясняет он. – Приходится соединять звезды в новые созвездия. Созвездие-отверстие-отломан-гномон. Нам нужно что-то вроде солнечных часов, чтобы определять, сколько времени прошло. Понимаешь?

– Нет.

– Над морем гроза, гроза-коза. Вот и ответ – коза. Она ест все вокруг, переваривает целый мир, делает его частью узора своей ДНК – и исторгает, помечая территорию. Территорию-историю-споры-разговоры, у меня к тебе важный разговор. Коза – ключ к нашей цели. Все имеет значение. Ищи козу.

Штурман – гений. От одного предчувствия его гениальных мыслей у меня каждый раз голова раскалывается.

– Почему я здесь? – спрашиваю я. – Если все имеет значение, что я значу для этого корабля?

Он продолжает прокладывать курс – дописывает слова и дорисовывает стрелочки поверх старых записей. Там столько наслоений, что лишь он может что-нибудь разобрать.

– Значение-печенье-пирог-порог. Ты – порог, за которым лежит спасение мира.

– Я? Ты уверен?

– Не меньше, чем в том, что мы сели в этот поезд.

6. Так вызывающе

Порог-пирог-пингвин-дельфин – дельфины скачут на обоях в комнате сестры, а я стою на пороге. Дельфинов ровно семь. Я сам их нарисовал, по одному на каждого из «Семи самураев» Куросавы¹, потому что мне хотелось, чтобы она все еще ценила их, став постарше.

Сегодня дельфины сверлят меня злобными взглядами. Хотя у них нет противопоставленных больших пальцев, а значит, на мечях драться мы не будем, мне почему-то кажется, что от них исходит угроза. Раньше такого не было.

Папа укладывает Маккензи спать. Для нее уже очень поздно, для меня – нет. Мне как раз исполнилось пятнадцать, ей скоро одиннадцать. Я лягу спать через несколько часов. *Если вообще* засну. Вряд ли сегодня мне это удастся.

Внизу мама разговаривает по телефону с бабушкой. Обсуждают погоду и термитов. Наш дом уже разгрызают на мелкие кусочки.

– ...Но травить их – это же так вредно! – доносится до меня мамин голос. – Должен быть способ лучше.

Папа целует Маккензи на ночь, поднимает голову и замечает меня: я стою не в комнате, но и не за дверью.

– Что случилось, Кейден?

– Ничего, просто... Не обращай внимания.

Папа встает на ноги, а сестра отворачивается к разрисованной дельфинами стене, показывая, что готова к отбытию в царство снов.

– Если что-то не так, ты всегда можешь мне рассказать, – произносит отец. – Не забывай об этом.

Я стараюсь говорить тихо, чтобы Маккензи не слышала:

– Ну, просто... В школе один парень...

– Да?

– Конечно, я не могу знать наверняка...

– Ну?

– Мне кажется... Похоже, он хочет меня убить.

¹ Фильм Акиры Куросавы 1954 года. – Здесь и далее прим. ред.

7. Бездна благотворительности

В торговом центре стоит ведро для пожертвований. Огромная желтая воронка для сбора средств на какую-то детскую благотворительность, о которой очень неприятно думать. Вроде «Помощи безногим детям – жертвам войн». Нужно сунуть монету в щель и отпустить. Она с минуту описывает круги по стенкам воронки с ритмичным жужжанием, которое все нарастает по мере того, как монета приближается к дыре. Она катится все быстрее, так что, когда всю ее кинетическую энергию наконец поглощает отверстие воронки, звук уже напоминает вой сирены. А потом монета исчезает в черной бездне ведра, и наступает тишина.

Я, как эта монета, скольжу вниз и ору во всю глотку. Ничто, кроме моей собственной скорости и центробежной силы, не мешает мне рухнуть в темноту.

8. Проверка реальности

– В каком смысле – он хочет тебя убить? – папа выходит в коридор и закрывает дверь в комнату Маккензи. Из ванной осторожно, под углом, просачивается тусклый свет. – Кейден, это не шутки. Если кто-то из школы угрожает тебе, ты должен рассказать мне, что происходит.

Он стоит и ждет ответа, а я жалею, что вообще открыл рот. Внизу мама все еще разговаривает с бабушкой, и я ловлю себя на том, что сомневаюсь, бабушка ли это. Может, мама притворяется, и на самом деле говорит с кем-то еще, возможно, обо мне и, похоже, используя шифр. Но зачем бы ей это понадобилось? Глупость. Нет, она просто беседует с бабушкой. О термитах.

– Ты уже сказал учителям?

– Нет.

– Что конкретно он сделал? Угрожал тебе?

– Нет.

Папа глубоко вздыхает:

– Если он не угрожал тебе открыто, ты, возможно, немного преувеличиваешь. Этот парень приносил в школу какое-нибудь оружие?

– Нет. Хотя... Может быть. Да... Да, мне кажется, у него мог быть нож.

– Ты его видел?

– Нет, я просто знаю. По нему видно, что он ходит с ножом, понимаешь?

Папа снова глубоко вздыхает и запускает руку в редящие волосы.

– Расскажи, что именно он тебе говорил. Постарайся вспомнить все по порядку.

Я пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить ситуацию, но мне не удается.

– Дело не в том, что он что-то сказал, а в том, чего он *не* говорил.

Мой папа бухгалтер – очень последовательный, мыслит левым полушарием мозга, так что меня не удивляет его ответ:

– Я тебя не понимаю.

Я отворачиваюсь и рассеянно берусь пальцами за уголок висящего на стене семейного портрета. Тот скашивается набок. Это меня беспокоит, так что я спешу поправить его.

– Не обращай внимания. Это не важно. – С этими словами я пытаюсь сбежать по лестнице, потому что мне очень нужно подслушать мамин телефонный разговор, но папа осторожно ловит меня за локоть. Этого достаточно, чтобы я остался на месте.

– Погоди-ка, – просит он. – Если я правильно тебя понял, в одном классе с тобой учится какой-то парень, чье поведение кажется тебе угрожающим.

– Если честно, у нас с ним ни одного общего урока.

– Тогда откуда ты его знаешь?

– Я его не знаю. Но мы сталкиваемся с ним в коридоре.

Папа опускает глаза, что-то прикидывает в уме и снова переводит взгляд на меня.

– Кейден... Если вы незнакомы, он не угрожал тебе и просто несколько раз прошел мимо, почему ты вообще решил, что он желает тебе зла? Наверняка он тебя даже в лицо не помнит.

– Ты прав, я просто перенервничал.

– Ты, наверное, делаешь из мухи слона.

– Да, именно. Делаю из мухи слона. – Произнеся это вслух, я понял, как глупо звучали все мои гипотезы. Этот парень и не подозревает о моем существовании. Я даже имени его не знаю!

– Старшая школа – очень сложный период, – продолжает папа. – Много поводов для беспокойства. Мне жаль, что ты держал в себе столько всего. Подумать только, подозревать такое! Но иногда нужно трезво оценить ситуацию, согласен?

– Ну да.

– Как, полегче стало?

– Да, спасибо.

Но я ощущаю на себе его пристальный взгляд – отец как будто почувствовал, что я соврал. Родители замечают, что в последнее время я какой-то беспокойный. Папа считает, что мне нужно заняться спортом, чтобы снять нервное напряжение. Мама думает, что мне поможет йога.

9. Не ты первый, не ты последний

Море простирается во все стороны, насколько хватает глаз: перед нами, сзади, по правому борту, по левому – и вниз, вниз, вниз. Мы плывем на галеоне, потрепанном миллионом рейсов в еще более дремучие времена, чем сейчас.

– Лучше посуды не найти, – сказал мне однажды капитан. – Доверься моей старушке, и она пойдет куда надо.

Это обнадеживает, потому что на моей памяти у руля никогда никто не стоял.

– У нее есть имя? – спросил я как-то.

– Назвать ее – все равно что потопить. Корабль с именем весит больше, чем вытесненная им морская вода. Спроси любую жертву крушения.

Над главным люком – табличка с выжженной по дереву надписью: «Не ты первый, не ты последний». Она удивительным образом заставляет меня чувствовать себя ничтожным и избранным одновременно.

– Это тебе о чем-нибудь говорит? – интересуется попугай. Он уселся на люк и следит за мной, просто глаз не сводит.

– Не то чтобы, – отзываюсь я.

– Если вдруг начнет – записывай каждое слово.

10. Кухня с ужасами

Кухня из Белого Пластика снится мне почти каждую ночь. Детали всякий раз меняются ровно настолько, чтобы я не знал, чем все закончится. Если бы мне снилось одно и то же, я бы, по крайней мере, знал, чего ожидать, чтобы хоть как-то подготовиться к самому худшему.

Сегодня я прячусь. В кухне практически негде скрыться. Я сжался в комочек внутри идеально чистого холодильника. Я дрожу и думаю о капитане – тот назвал меня пугливым щенком. Кто-то открывает дверцу – эту маску я не могу вспомнить.

Она качает головой:

– Бедняжка, ты, должно быть, замерз. – Она наливает кофе из кофейника, но вместо того, чтобы предложить мне чашку, протягивает руку прямо сквозь мой пупок и достает из-за моей спины молоко.

11. Нет худа без добра

Под главной палубой расположены каюты экипажа. Там гораздо просторнее, чем кажется снаружи. Невероятно просторно. Там есть длинный коридор, который, похоже, бесконечен.

Щели между досками палуб и бортов законопачены тошнотворно пахнущей черной смолой. Внизу вонь острее всего. Запах такой, будто живые организмы, спрессованные временем в деготь, до сих пор разлагаются. Отчетливо пахнет потом, невымытым телом и грязью под ногтями.

– Запах жизни! – гордо объявил капитан, когда я однажды спросил, что это за вонь. – Быть может, перерождающейся, но все же жизни. Как солоноватый запах прилива – едкий, гнилой и все же освежающий. Когда волна накатит на берег и брызнет тебе в лицо, будешь ли ты проклинать ее вонь? Нет! Она напоминает, как сильно ты любишь море. Летний запах пляжа, пробуждающий что-то сокровенное в глубинах твоей души, – всего лишь легкое дуновение морской гнили. – С этими словами он с наслаждением вдохнул смрадный воздух полной грудью. – Правду говорят, нет худа без добра.

12. Шопинг шизиков

Когда мы с друзьями были помладше и слонялись по торговому центру, изнемогая от скуки, мы придумали такую игру. Называлась она «Шопинг шизиков». Мы выбирали кого-нибудь из покупателей – иногда двоих или даже целую семью, хотя интереснее было следить за одиночкой. Потом придумывали историю о секретной цели нашей очередной жертвы. Обычно в истории фигурировали топор и/или цепная пила, а еще подвал и/или чердак. Однажды мы выбрали низенькую старушку, ковылявшую по торговому центру с такой целеустремленностью на лице, что из нее вышел бы прекрасный серийный убийца. Мы придумали, что она купит здесь всякого, не сможет донести сама и закажет доставку. Затем она нападет на курьера и убьет его самым тяжелым из того, что купила. И, конечно, у нее в подвале должна быть целая коллекция новеньких орудий убийства и трупов парней из службы доставки. И на чердаке, наверное, тоже.

Мы ходили за ней минут двадцать, помирая со смеху... а потом она зашла в ножевой отдел и выбрала огромный мясницкий нож. Тогда нам стало еще смешнее.

Но когда она выходила из магазина, я встретился с ней глазами – проверял, отважусь ли. Мне определенно померещилось, но ее взгляд горел таким жестоким огнем, что я никогда его не забуду.

Последнее время ее глаза глядят на меня отовсюду.

13. Низа не существует

Я стою посреди гостиной, зарываясь пальцами ног в пушистый ковер бездушно-бежевого цвета.

– Что ты делаешь? – спрашивает вернувшаяся из школы Маккензи, швыряя рюкзак на диван. – Почему ты стоишь столбом?

– Я слушаю.

– Что слушаешь?

– Термитов.

– Ты слышишь термитов? – ужасается сестра.

– Возможно.

Она принимается крутить большие синие пуговицы своего желтого флисового пальто, как будто от термитов можно застегнуться, как от холода. Потом она настороженно прикладывает ухо к стене, видимо, сообразив, что так их будет слышно гораздо лучше, чем из центра комнаты. Она слушает пару секунд и немного сконфуженно признается:

– Я ничего не слышу.

– Не волнуйся. – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал успокаивающе. – Термиты – это всего лишь термиты. – И хотя трудно себе представить более общую фразу, мне удастся развеять все страхи насчет насекомых, которые я успел внушить сестре. Удовлетворенная моим ответом, та отправляется на кухню перекусить.

Я стою не шевелясь. Термитов не слышно, но я их чувствую. Чем больше я о них думаю, тем сильнее становится это ощущение, и это меня раздражает. Сегодня я вообще сильно раздражен. Не тем, что вижу вокруг себя, а тем, чего не могу видеть. Меня всегда болезненно интересовало то, что внутри стен, или то, что под ногами. Сегодня этот интерес вселился в меня и грызет, как древоточцы, неторопливо пожирающие наш дом.

Я говорю себе, что это хороший способ вынырнуть из пучины размышлений о неприятностях в школе, которые то ли есть, то ли отсутствуют. Так что пока буду продолжать в том же духе.

Я закрываю глаза и направляю поток мыслей сквозь подошвы ног.

Я стою на твердой, надежной поверхности, но это всего лишь иллюзия. Дом принадлежит нам, так? Не совсем, потому что мы еще не всё выплатили за него банку. Тогда что тут наше? Земля? Тоже нет. У нас, конечно, лежит договор, по которому участок принадлежит нам, но мы не имеем права добывать полезные ископаемые. А что такое полезные ископаемые? Все, что можно добыть из-под земли. То есть она принадлежит нам, только если в ней нет ничего ценного, а если что-нибудь такое найдется, оно уже будет не наше.

Так что же у меня под ногами, кроме обманчивого ощущения, что все это наше? Сосредоточившись, я ощущаю, что там. Под ковром – бетонная плита, покоящаяся на земле, двадцать лет назад утрамбованной тяжелыми машинами. А под ней – затерянная жизнь, которую никто никогда не найдет. Там могут лежать руины цивилизаций, уничтоженных войной, или животными, или загадочными вирусами, взломавшими их иммунную систему. Я чувствую кости и панцири доисторических животных. Поднатужившись, я опускаюсь мыслью еще ниже, в коренную породу, где поднимаются наверх и лопаются пузырьки газа, – у Земли расстройство кишечника, ей надо переварить слишком долгую и грустную историю собственного существования. Там, внизу, все твари божьи в конечном счете растворяются в темную жижу, которую мы потом выкачиваем из-под земли и сжигаем в машинах, превращая некогда живых существ в парниковые газы, – по-моему, эта участь все же лучше, чем вечность в виде лужи грязи.

Еще глубже – и я чувствую, как холодная почва сменяется раскаленной докрасна, а потом и добела магмой, текущей под невероятным давлением. Внешнее ядро, потом внутреннее,

наконец, самый центр тяжести – а потом притяжение начинает работать в обратную сторону. Жар и давление понижаются. Лава твердеет. Я продираюсь сквозь гранит, нефть, кости, грязь, червей и термитов, пока не вырываюсь наружу на рисовом поле где-то в Китае, доказывая, что низа не существует, потому что в конце концов он оказывается верхом.

Я открываю глаза, почти удивляясь, что все еще стою в гостинной. Мне приходит в голову, что мой дом и Китай соединяет идеальная прямая линия и что направлять вдоль этой линии свои мысли может быть небезопасно. Могли жар и давление усилить мои мысли до масштабов землетрясения?

Конечно, это глупая идея, но со следующего утра я начинаю смотреть новости, боясь увидеть, что в Китае произошло землетрясение.

14. Туда отсюда не попасть

Хотя напуганные члены экипажа много раз убеждали меня не забредать в потаенные уголки корабля, я просто не могу удержаться. Что-то толкает меня на поиски того, о чем лучше не знать. И как же можно плыть на огромном галеоне и не обшарить каждый его закоулок?

Однажды утром я встаю пораньше и вместо того, чтобы отправиться на палубу для переключки, решаю пройти по длинному, слабо освещенному коридору на нижней палубе. По пути я достаю блокнот и быстро зарисовываю свои впечатления.

– Простите, – обращаюсь я к притаившейся в своей мрачной каюте девушке, которую вижу впервые. У нее широко распахнутые глаза с потеками туши и жемчужное ожерелье-чокер, грозящее и вправду задушить ее. – Куда идет этот коридор?

Она окидывает меня подозрительным взглядом:

– Никуда не идет, вот же он, на своем месте. – С этими словами она исчезает внутри и захлопывает дверь. Ее образ стоит у меня перед глазами, и я набрасываю в блокноте, как выглядело лицо девушки, когда она отступила в тень.

Я продолжаю свой путь, по дороге считая лестницы, чтобы хоть как-то отследить свое продвижение по бесконечному коридору. Одна, другая, третья... Я досчитываю до десяти, а коридор уходит вперед и вперед. Я сдаюсь, карабкаюсь по ступенькам десятой лестницы и неожиданно вылезаю на главную палубу из среднего люка. До меня доходит, что все лестницы, где бы они ни начинались, выводят к этому самому люку. Я двадцать минут брел по коридору и ничуть не продвинулся.

Передо мной на перилах примостился попугай. Он как будто специально поджидал тут, чтобы поддразнить меня.

– А туда отсюда не добраться! – кричит он. – Не знал? Не знал?

15. Мы стоим на месте

Моя работа на корабле – удерживать равновесие. Не помню, с каких пор я этим занимаюсь, но отчетливо припоминаю, как капитан объяснял мне мои обязанности:

– Твоя задача – чувствовать, как корабль качается из стороны в сторону, и перемещаться в противовес этому движению, от правого борта к левому, от левого к правому.

Другими словами, как и большая часть команды, я день-деньской ношусь от борта к борту, пытаюсь скомпенсировать качку. Совершенно бессмысленное занятие.

– Разве наш вес имеет какое-то значение для такого огромного корабля? – как-то раз спросил я капитана.

Тот уставился на меня налитым кровью глазом:

– Предпочел бы стать балластом?

Это заставило меня замолчать. Видел я этот «балласт». Моряков набили в трюм, как сардин, чтобы понизить центр тяжести галеона. Балластом становятся те, кому нет места наверху. Мне еще грех жаловаться.

– Когда мы приблизимся к цели, – сообщил нам капитан, – я отберу отдельную команду для выполнения нашей великой миссии. Работай от души и до седьмого пота – тогда, может, в ней найдется место и для твоей почти бесполезной задницы.

Не уверен, что хотел бы этого, но вряд ли что-то может быть хуже, чем бессмысленно носиться по палубе. Однажды я спросил капитана, далеко ли до Марианской впадины: сколько бы мы ни плыли, море никак не менялось. Мы ни к чему не приближались и ни от чего не удалялись.

– В воде не ощущаешь, плывем мы или стоим на месте, – ответил тот. – Но мы узнаем, что цель близка, по знакам и мрачным предзнаменованиям.

Я не осмелился спросить, каких именно мрачных предзнаменований он ждет.

16. Уборщик

Когда море спокойно и мне не нужно бегать взад-вперед, я иногда остаюсь на палубе поболтать с Карлайлом. Наш корабельный уборщик – обладатель ярко-рыжих волос, таких коротких, что они напоминают персиковый пушок, и самой дружелюбной улыбки на всем галеоне. Он далеко не мальчик – скорее, ровесник офицеров, но не один из них. Кажется, у него свое расписание и свои правила, в которые капитан почти не вмешивается, и он – единственный на корабле, у кого сохранилась хоть какая-то логика.

– Я сам выбрал себе работу, – говорил он мне. – Потому что она очень нужная. И потому что вы все неряхи.

Сегодня я замечаю, как от его швабры во все стороны разбегаются крысы и исчезают в укромных уголках.

– Проклятые создания! – Карлайл макает швабру в ведро с мутной водой и продолжает мыть палубу. – Никак от них не избавиться.

– На старых кораблях всегда водятся крысы, – замечаю я.

Карлайл поднимает бровь:

– Ты думаешь, это крысы?

При этом он не говорит, кем еще они могут быть. Если честно, животные так быстро бегают и так хорошо прячутся, что я никак не могу толком их разглядеть. Это беспокоит меня, и я решаю сменить тему:

– Расскажите мне что-нибудь про капитана!

– Он твой капитан. Ты должен сам знать о нем все, что следует.

Но уже по его тону я понимаю, что он в курсе многих вещей, известных лишь избранным. Видимо, если я хочу получить ответ, мне следует лучше формулировать вопросы.

– Расскажите, как он потерял глаз.

Карлайл вздыхает, оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, и шепотом начинает:

– Я так понял, что попугай лишился глаза первым. Мне рассказывали так: попугай продал глаз ведьме, чтобы та сварила зелье, которое превратило бы его в орла. Но ведьма обманула его, выпила зелье сама и улетела. Тогда попугай выклевал глаз капитану, чтобы не одному ходить с повязкой.

– Враки! – ухмыляюсь я.

Карлайл с торжественным выражением на лице разбрызгивает по палубе мыльную воду:

– Эта история правдива ровно настолько, насколько нужно.

Деготь между досками, кажется, пытается сбежать от потопа.

17. Заплатил бы, чтобы поглядеть

Штурман утверждает, что вид из вороньего гнезда принесет мне «просветление, успокоение, бдение, хорошее поведение».

Если это тест с выбором ответа, то я предпочел бы первое и второе, хотя, учитывая, где я нахожусь, с тем же успехом можно жирно обвести последнее.

Воронье гнездо – это маленькая бочка на самом верху грот-мачты. На вид туда влезут от силы два человека. Я решаю, что там, наверное, можно остаться наедине с моими мыслями. Следовало бы уже запомнить, что моим мыслям не позволено такой роскоши.

Ранним вечером я взбираюсь по истрепанным тросам, окутавшим корабль, как паутина. На горизонте блекнут последние отблески заката, и на небе неохотно показываются незнакомые созвездия.

Ближе к вороньему гнезду сеть тросов сужается и кажется все более ненадежной. Наконец я переваливаюсь через борт насаженного на мачту бочонка и тут же обнаруживаю, что он совсем не такой маленький. Как и нижняя палуба, снаружи он кажется меньше, но внутри оказывается метров тридцати в диаметре. Здесь, удобно откинувшись на бархатных креслах, сидят члены экипажа, потягивают переливающийся неоновым светом martini, глядят перед собой отсутствующим взглядом и слушают живое выступление джазовой группы.

– Ты один? Иди за мной, – приглашает официантка и ведет меня к свободному бархатному креслу, с которого открывается вид на пляшущий по воде лунный свет.

– Ты прыгун? – спрашивает бледный мужчина, сидящий рядом со мной. У него в стакане плещется что-то голубое и, похоже, радиоактивное. – Или пришел просто посмотреть?

– Я пришел прочистить голову.

– Угощайся, – предлагает он, указывая на свой искрящийся стакан. – Пока ты не нашел свой собственный коктейль, можешь попробовать мой. Здесь каждый находит свою смесь, а то на безрыбье придет рак и утащит за бочок. Так здесь заканчиваются все колыбельные. Даже те, которые не в рифму.

Я оглядываю собравшихся – дюжина человек впала в какой-то эйфорический транс.

– Не понимаю, как все это помещается в вороньем гнезде.

– Растяжимость – основной принцип восприятия, – отвечает мой собеседник. – Но если резинка трескается, полежав на солнце, то, мне кажется, воронье гнездо тоже однажды почувствует, что мы злоупотребляем его эластичностью, и съжится до своего настоящего размера. Тогда всех, кто внутри, расплющит – кости, кровь, кишки просочатся сквозь щели в дереве, как тесто. – Он поднимает свой стакан: – Заплатил бы, чтобы на это поглядеть!

В нескольких ярдах от нас матрос в синем комбинезоне вылезает на борт вороньего гнезда и прыгает, раскинув руки, навстречу верной смерти. Я не спускаю глаз с воды, но его нигде не видно. Все собравшиеся вежливо аплодируют, а группа начинает играть «Оранжевое небо»², хотя небо лиловое, как синяк.

– Почему вы все просто сидите? – кричу я. – Разве вы не видели, что случилось?

Мой собутыльник только руками разводит:

– Прыгуны совершают то, что совершают. Наше дело – похлопать в ладоши и почтить их память. – Он бросает взгляд за борт: – Здесь так высоко лететь, что даже не видно, как они расплющиваются. – Он залпом допивает коктейль: – Заплатил бы, чтобы на это поглядеть!

² Orange-Colored Sky – популярная джазовая композиция, написанная Милтоном Деллагом и Уилли Стейном в 1930 году. Самую известную ее версию исполнял американский джазовый певец Нэт Кинг Коул.

18. Загадочная пепельница

Никто в школе не желает мне зла.

Я говорю себе это каждое утро после очередного выпуска новостей, где нет ничего про землетрясения в Китае. Я повторяю эти слова, торопясь с урока на урок. Я напоминаю себе об этом, когда прохожу мимо парня, который хочет меня убить, но вряд ли знает, кто я такой.

– Ты делаешь из мухи слона, – сказал папа. Может, он и прав, но это значит, что все-таки была «муха». В минуты просветления мне хочется дать самому себе затрещину за то, что выдумал такую глупость. Что можно подумать о человеке, для которого желание себя поколотить – признак просветления?

– Тебе нужен внутренний центр, – сказала бы мама. Она по уши в медитациях, веганстве и сыроедении – наверное, потому что ненавидит свою работу: вычищать кусочки мяса у людей между зубов.

С центровкой, однако, легче сказать, чем сделать. Я понял это, когда нас учили лепить из глины. У учителя горшки выходили как-то сами собой, но на деле требовались огромная точность и сноровка. Нужно вдавить шарик глины четко в центр гончарного круга, прижать его посередине большим пальцем и медленно, равномерно расплющивать. Каждый раз, когда я брался за дело, моя заготовка вскоре теряла равновесие и расплзлась в разные стороны. От моих попыток что-то исправить становилось только хуже: края рвались, стенки проваливались вовнутрь, и очередная «загадочная пепельница», как называл мои потуги учитель, отправлялась обратно в ведро с глиной.

Что же происходит, когда равновесие теряет весь мир вокруг, а ты совершенно не умеешь возвращать его обратно? Остается только принять неравный бой и ждать, пока стенки провалятся и твоя жизнь станет одной большой загадочной пепельницей.

19. Заргон расплывается

Мы с друзьями, Максом и Шелби, иногда по пятницам собираемся после школы. Мы утверждаем, что разрабатываем компьютерную игру, но это тянется уже два года, и готовностью там и не пахнет. В основном дело в том, что каждый из нас постоянно совершенствуется в своей области и нам все время приходится начинать заново, потому что предыдущие наработки кажутся нам детскими и слишком любительскими.

Макс – наша движущая сила. Он сидит у меня дома гораздо дольше, чем мои родители готовы его терпеть, потому что, хотя он компьютерный гений, его компьютер – никчемный кусок железа, который отключается, стоит лишь прошептать в метре от него слово «графика».

Шелби отвечает за сюжет.

– Кажется, я поняла, в чем проблема, – говорит она сегодня днем. Мы слышим это каждый раз, когда собираемся поработать над игрой. – По-моему, не надо давать персонажу столько встроенного оружия. А то каждая битва превращается в огромное кровавое месиво, скукота полная.

– С каких пор кровавое месиво – это скукота? – недоумевает Макс. – Я лично его обожаю.

Шелби с мольбой смотрит на меня в поисках поддержки, но увы.

– Если честно, мне оно тоже нравится. Наверное, дело в том, что мы мальчишки, – говорю я.

Она испепеляет меня взглядом и швыряет мне несколько страниц переработанных описаний персонажей.

– Просто нарисуй их и дай им доспехи попрочнее, чтобы не каждый удар был смертельным. Особенно позаботься о Заргоне, у меня на него большие планы.

Я раскрываю свой блокнот.

– Разве мы не обещали друг другу, что немедленно прекратим, если начнем разговаривать как чокнутые геймеры? По-моему, наша беседа – прямое доказательство того, что этот момент настал.

– Я тебя умоляю! Момент настал еще год назад, – возражает Шелби. – Если ты настолько недоразвитый, что тебя волнует, как нас называют всякие идиоты, мы всегда можем найти другого художника.

Шелби всегда говорит то, что думает; меня это привлекает. Нет, между нами не было и не будет ничего такого. Этот поезд даже не ушел, а сошел с рельсов, не отъезжая от вокзала. Мы чрезмерно друг друга ценим, чтобы начинать что-то плести. К тому же дружба дает нам троим некоторые преимущества. Например, мы с Максом можем расспросить Шелби о девочках, которые нам нравятся, или рассказать что-нибудь про парней, которые нравятся ей. Эта схема работает слишком слаженно, чтобы что-то менять.

– Слушай, – продолжает Шелби, – это же не дело всей нашей жизни, а просто развлечение. Несколько дней в месяц можно себе позволить расслабиться. Не могу сказать, чтобы это как-то мешало мне жить.

– Да, – встречает Макс, – потому что тебе мешает жить множество других вещей.

Она толкает его так сильно, что беспроводная мышь вылетает у него из рук и летит через всю комнату.

– Эй! – возмущаюсь я. – Если вы что-нибудь сломаете, родители заставят меня за это платить. Они заиклены на ответственности за свои поступки.

Шелби бросает на меня холодный, почти злой взгляд:

– Что-то не вижу, чтобы ты рисовал.

– Может, я просто жду порыва вдохновения. – И все же, не дожидаясь, пока меня посетит муза, я делаю глубокий вздох и вчитываюсь в описания персонажей. Потом перевожу взгляд на пустой лист блокнота.

Мои занятия живописью начались с того, что я не выносил пустого пространства. Увижу пустую клеточку – значит, надо ее заштриховать. А стоит мне увидеть чистую страницу – и она обречена. Пустые страницы, вереща, молят, чтобы я вылил на них помой из своей головы.

Все началось с каляк-маляк. Потом пошли наброски, эскизы, а теперь дело дошло до рисунков. Или «произведений», как говорят раздутые от собственной важности личности, вроде ребят из моей группы по рисованию, которые ходят в беретах, как будто их головы слишком творчески мыслят и их надо прикрывать чем-то особенным. Мои собственные «произведения» состоят главным образом из комиксов – ну знаете, манга и прочее. Хотя в последнее время я все больше склоняюсь к абстракции – как будто линии ведут меня, а не я их. Теперь меня заставляет рисовать какое-то внутреннее беспокойство, мне нужно узнать, куда это заведет.

Я по возможности прилежно тружусь над эскизами персонажей Шелби, но меня гложет нетерпение. Как только в моей руке оказывается цветной карандаш, мне уже хочется бросить его и схватить другой. Я вижу отдельные линии, но не всю картину. Я обожаю рисовать персонажей для игры, но сегодня мой энтузиазм все время бежит на пару шагов впереди моих мыслей, и за ним не угнаться.

Наконец я показываю Шелби набросок Заргона – новую и улучшенную месивоустойчивую версию командира армии.

– Очень небрежно, – замечает она. – Если ты собираешься дурачиться...

– Сегодня это все, на что я способен, понимаешь? Иногда у меня получается, иногда нет. – И, не удержавшись, я добавляю: – Может, это у тебя небрежные описания, а я рисую как могу?

– Просто соберись, – просит она. – Ты всегда рисовал так... четко.

Я пожимаю плечами:

– Да? Стилю свойственно развиваться. Посмотри на Пикассо.

– Ну-ну. Когда Пикассо разработает компьютерную игру, я дам тебе знать.

Конечно, мы всегда друг друга поддеваем, иначе нам было бы скучно. Но сегодня все иначе, потому что в глубине души я знаю, что Шелби права. Моя манера письма не развивается, а расплывается, и я не понимаю почему.

20. Попугаи всегда улыбаются

Капитан вызывает меня к себе, хотя я старался держаться тише воды ниже травы.

– Парень, ты попал, – говорит штурман, когда я выхожу из каюты. – Попал-копал-катал-глотал – про капитана говорят, что он не раз заглатывал матросов целиком.

Я вспоминаю свой сон о Кухне из Белого Пластика, хотя капитан там пока не появлялся.

Кабинет капитана расположен у самой кормы. Он говорит, что там ничто не мешает ему предаваться воспоминаниям о своих странствиях. Сейчас он им, однако, не предается. Его вообще нет в комнате. Только попугай примостился на насесте между захлавленным столом и глобусом, на котором не нарисован правильно ни один континент.

– Молодец, что пришел, молодец, что пришел, – повторяет попугай. – Садись, садись.

Я сажусь и жду. Попугай прогуливается взад-вперед по своей жердочке.

– Зачем меня сюда позвали? – спрашиваю я наконец.

– Вот именно, – отвечает птица. – Зачем позвали? Или, может быть, зачем – тебя? И зачем – сюда?

Я начинаю терять терпение:

– Капитан скоро придет? Если нет...

– Тебя позвал не капитан. А я, а я. – С этими словами попугай наклоняет голову в сторону лежащего на столе листа бумаги: – Заполни, пожалуйста, анкету.

– Чем? У меня нет ручки.

Птица перелетает на стол, пытается разгрести кучу бумаг и, не найдя ручки, выдирает сине-зеленое перо у себя из хвоста. Оно опускается на стол.

– Оригинально. Только чернил все равно нет.

– Обмакни его в деготь между досками, – советует попугай. Я послушно тянусь к ближайшей стене и прикладываю перо к черной массе меж двух планок: пустой стержень пера всасывает что-то темное. Меня бросает в дрожь от одного взгляда на эту жидкость. Заполняя анкету, я стараюсь, чтобы эта гадость не попала на кожу.

– Все должны это заполнять?

– Все.

– Обязательно отвечать на все вопросы?

– На все вопросы.

– Зачем это нужно?

– Нужно.

Когда я заканчиваю, мы долго рассматриваем друг друга. Мне приходит в голову, что всегда кажется, будто птицы добродушно ухмыляются – примерно как дельфины, – и нельзя понять, что у них на уме. Дельфин может лелеять планы вырвать тебе сердце или забить тебя до смерти своим длинным носом, как они делают с акулами, но он будет улыбаться, и тебе все это время будет казаться, что он твой друг. Я снова вспоминаю дельфинов, которых нарисовал у сестры в комнате. Знает ли Маккензи, что они, возможно, хотят ее убить? Или, может, они уже ее убили?

– Как отношения с командой, с командой? – спрашивает попугай.

Я пожимаю плечами.

– Вроде неплохо.

– Расскажи мне что-нибудь, что можно использовать против них.

– Зачем тебе это?

Птица издает свист, похожий на вздох:

– Какие мы сегодня несговорчивые! – Осознав, что ничего от меня не добьется, попугай перелетает обратно на насест. – Ну ладно, хватит, хватит. Пора на обед. Кускус и махи-махи.

21. Анкета члена экипажа

Пожалуйста, оцените данные утверждения по следующей шкале:

1 *Абсолютно согласен.* 2 *Полностью согласен.* 3 *Точнее быть не может.* 4 *Совершенно верно.* 5 *Откуда вы знаете?*

Иногда я боюсь, что корабль затонет.

① ② ③ ④ ⑤

У других матросов есть биологическое оружие.

① ② ③ ④ ⑤

Глоток энергетика – и я могу летать.

① ② ③ ④ ⑤

Я бог, а боги не заполняют анкет.

① ② ③ ④ ⑤

Я с удовольствием провожу время в компании птиц с ярким опереньем.

① ② ③ ④ ⑤

Смерть не насыщает меня.

① ② ③ ④ ⑤

Мои ботинки жмут, а сердце на два размера меньше нужного.

① ② ③ ④ ⑤

Я верю, что все ответы лежат на дне морском.

① ② ③ ④ ⑤

Меня часто окружают одни бездушные зомби.

① ② ③ ④ ⑤

Иногда я слышу голоса интернет-магазинов.

① ② ③ ④ ⑤

Я могу дышать под водой.

① ② ③ ④ ⑤

Меня посещают видения о параллельных и/или перпендикулярных мирах.

① ② ③ ④ ⑤

Мне нужно больше кофеина. И немедленно.

① ② ③ ④ ⑤

Я чую мертвецов.

① ② ③ ④ ⑤

22. Матрас его не спас

Пока у нас дома травят термитов, мы с семьей на два дня уезжаем в Лас-Вегас. Всю дорогу я рисую в блокноте, в итоге меня укачивает, и я с трудом сдерживаю тошноту. В этом смысле я похож на всех остальных обитателей Вегаса.

Наша гостиница построена в виде тридцатипятиэтажной пирамиды, и лифты в ней ходят по диагонали. Лифты – гордость Лас-Вегаса. Тут и стеклянные стенки, и зеркальные, и хрустальные люстры, которые так трясутся и звенят, будто каждый подъем и спуск – целое землетрясение. Все отели соревнуются между собой, кто быстрее доставит клиента из номера в казино. В одном из них лифты даже оборудованы игровыми автоматами для тех, кому совсем уж невозможно ждать.

Я почему-то нервничаю.

– Тебе нужно поесть, – предлагает мама.

После еды ощущение не проходит.

– Тебе нужно поспать, – советует папа, как будто я ребенок; но все мы знаем, что дело не во сне.

– Тебе надо преодолеть свою застенчивость, Кейден, – без усталости повторяют они оба. Проблема в том, что раньше я никогда не страдал от застенчивости – наоборот, всегда был уверен в себе и открыт к общению. Они не знают – даже я пока еще не знаю, – что с этого начинается что-то более серьезное. Пока на свет показалась только верхушка огромной черной пирамиды.

Родители полдня играют в казино и наконец решают, что проиграли достаточно денег. Тогда они начинают ругаться и сваливать вину друг на друга:

– Ты не умеешь играть в очко!

– Я же говорил, что предпочитаю рулетку!

Всем нужно на кого-то свалить ответственность. Семейные пары ругают друг друга. Так проще. Ситуацию усугубляет еще и то, что мама умудрилась сломать левый каблук своих любимых красных туфель и ей пришлось хромать до гостиницы, потому что шлепать по улицам Вегаса босиком было бы крайне неразумно. Ходить по раскаленным углям и то не так больно.

Пока родители ищут утешения в спа-салоне, мы с Маккензи отправляемся гулять по бульвару, любуясь танцующим фонтаном «Белладжيو». Меня немного напрягает гулять с сестрой, потому что она сосет свой любимый ядовито-голубой леденец. С ним она выглядит гораздо младше своих неполных одиннадцати, и я чувствую себя нянькой. К тому же довольно неловко идти рядом с кем-то, у кого весь рот перемазан синим.

По пути я беру рекламу эскорт-услуг у неприятных парней, раздающих ее всем желающим. Я не собираюсь звонить по указанным на листовке номерам, просто у меня что-то вроде коллекции. Собирают же некоторые бейсбольные карточки. Только на моих карточках изображены девушки в нижнем белье. Одна такая стоит целой команды высшей лиги!

Я вспоминаю, что одно из зданий, мимо которых мы проходим, некогда было отелем MGM Grand и однажды пережило страшный пожар. Испугавшись дурной славы, компания продала дом какой-то другой сети отелей и построила новую гостиницу – огромное святилище азартных игр, изобильное, как страна Оз. Старое здание теперь скрывается под другим названием. В том пожаре погибло много народу. Какой-то парень выпрыгнул с верхнего этажа на матрас, чтобы не сгореть заживо. Матрас его не спас.

Потом я начинаю думать о нашей гостинице: а вдруг она тоже загорится? Как выбраться из объятий пламенем стеклянной пирамиды, если нельзя открыть окно? Мои мысли носятся, как ненормальные. А что, если какой-нибудь из этих мутных парней решит, что хватит с него рекламных листовок и настало время для небольшого поджога? Я всматриваюсь в одного из

них и вижу в его глазах что-то, отчего сразу становится понятно: он на такое способен. Мной овладевает настойчивое предчувствие, внутренний голос повторяет, что нельзя возвращаться в гостиницу. Потому что за мной наблюдает тот парень. Может быть, все они за мной следят. Кто знает, вдруг все эти ребята с гнусной рекламой объединились против меня? И я не могу вернуться в гостиницу, потому что тогда она точно загорится. Так что я убеждаю Маккензи, ноющую, что натерла ногу, идти дальше, хотя и не объясняю почему. Мне вдруг начинает казаться, что мой долг – защитить ее от этих ненормальных.

– Давай заглянем во «Дворец Цезаря», – предлагаю я. – Там должно быть круто.

Внутри я немного успокаиваюсь. Вход охраняют огромные каменные центурионы в доспехах и с копьями. И хотя они стоят тут просто для украшения, мне кажется, что они защитят нас от любых коварных поджигателей.

Среди магазинчиков с духами, бриллиантами, кожаными сумками и норковыми пальто, в нише стоит еще одна статуя. Это точная копия «Давида» Микеланджело. В Лас-Вегасе кругом точные копии: Эйфелева башня, Статуя Свободы, пол-Венеции... Они подделали целый мир для вашего развлечения.

– Фу, почему тот парень голый? – спрашивает Маккензи.

– Не тупи, это же «Давид»!

– А. – К счастью, сестра не спрашивает: «Какой еще Давид?» Вместо этого она интересуется: – А что у него в руке?

– Праща.

– Что еще за праща?

– Такое оружие. По Библии, из нее он убил Голиафа.

– А... – говорит Маккензи. – Пойдем отсюда?

– Сейчас. – Я не готов уйти, потому что прикован к месту каменными глазами Давида. Его тело расслаблено, как будто он уже завоевал свое царство, но лицо полно плохо скрываемого беспокойства. Мне приходит в голову, что Давид, возможно, был таким же, как я. Тоже видел повсюду чудовищ, на которых в мире не хватит пращей.

23. Восемь с половиной секунд

В конце первого дня нашего лас-вегасского безумия родители немного пьяны.

Спор о том, кто больше проиграл, закончен. Они решили стать выше этого. В буквальном смысле.

Дело в том, что в каждом отеле Вегаса есть своя фишка, а самая большая фишка на весь город – Стратосферная башня, в которой, по слухам, сто тринадцать этажей, хотя, подозреваю, они измеряют этажи в лас-вегасских сантиметрах, способных меняться в размерах по прихоти рекламщиков. И все же ее круглая стеклянная корона, венчающая длинный гладкий бетонный шпиль, выглядит впечатляюще. Лифтер утверждает, что тут самый быстрый лифт западной цивилизации. В этом городе все помешаны на лифтах!

В четырехэтажной короне расположены вращающийся ресторан и бар с живой музыкой. Посетители сидят в красных бархатных креслах и потягивают отсвечивающие неонам коктейли, от которых, кажется, исходит радиация. А еще здесь оборудовано что-то вроде парка развлечений. Один из аттракционов предлагает вам прицепиться к тросу и пролететь сто восемь этажей практически в свободном падении, не прихватив с собой вниз даже матраса. Зато с вами едет камера и записывает вашу предполагаемую попытку самоубийства, чтобы вы могли потом заново пережить эти восемь с половиной секунд в уюте и безопасности своей гостиной.

– Как вы на это смотрите? – спрашивает папа. – И очереди нет!

Сначала мне кажется, что это шутка, но у него слишком блестят глаза. Папа редко напиивается, но уж тогда он становится ходячей рекламой любых бредовых идей.

– Нет, спасибо, – отвечаю я и пытаюсь незаметно убраться подальше, но папа хватается за меня и заявляет, что это надо сделать всей семьей. У него даже скидочные купоны есть. Два по цене одного. Четыре по цене двух. Такая выгода!

– Расслабься, Кейден! – призывает отец. – Отдайся вселенной! – Мой папа не застал лихих шестидесятых, но выпивка превращает его из добропорядочного республиканца в дорвавшегося до Вудстока³ хиппи. – Чего ты боишься? Это же абсолютно безопасно!

Прямо перед нами кто-то в синем комбинезоне и страховочном поясе прыгает в пустоту и пропадает внизу. Люди аплодируют, а у меня начинают неметь пальцы.

– Интересно, кто-нибудь разбивался? – спрашивает у инструкторов какой-то бледный придурок с неоновым коктейлем и гогочет со своими тупыми друзьями. – Заплатил бы, чтобы на это поглядеть!

– Или мы прыгаем всей семьей, или не прыгает никто, – объявляет папа. Маккензи тут же начинает действовать мне на нервы и жаловаться, что я всегда отравляю ей жизнь. Мама только хихикает, потому что от нескольких порций «маргариты» она становится двенадцатилеткой в сорокалетнем теле.

– Давай, Кейден, – не отстает папа. – Живи настоящим, парень! Ты будешь помнить это до конца жизни!

Ага. Все восемь с половиной секунд.

Я сдаюсь, потому что их трое на одного. Я встречаюсь с папой взглядом и вдруг вижу: у него такие же глаза, как у того ненормального разносчика рекламы, который хотел поджечь нашу гостиницу. Что я знаю о своем отце? А что, если он состоит в каком-нибудь тайном обществе? А что, если вся моя жизнь была такой же подделкой, как местная пародия на Венецию, а на самом деле все затевалось, чтобы заманить меня сюда и столкнуть с небоскреба? Кто эти люди? И хотя часть моего сознания знает, как глупо все это звучит, другая все равно

³ Знаменитый рок-фестиваль, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года.

подкармливает эти ужасные «А что, если?». Та самая часть меня, которая всегда заглядывает под кровать в поисках монстров после хорошего ужастика.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, нас уже одели в синие комбинезоны, и мы стоим на мостике, будто экипаж космонавтов, и вот уже сестра прыгает первой, чтобы показать, кто самая храбрая девочка на этой планете, а потом к тросу прицепляют маму, и она летит, и ее хихиканье перерастает в стремительно удаляющийся визг, и вот уже папа стоит за моей спиной, чтобы я прыгал перед ним, потому что мы оба знаем, что иначе я спущусь на лифте.

– Вот увидишь, будет забавно, – говорит он.

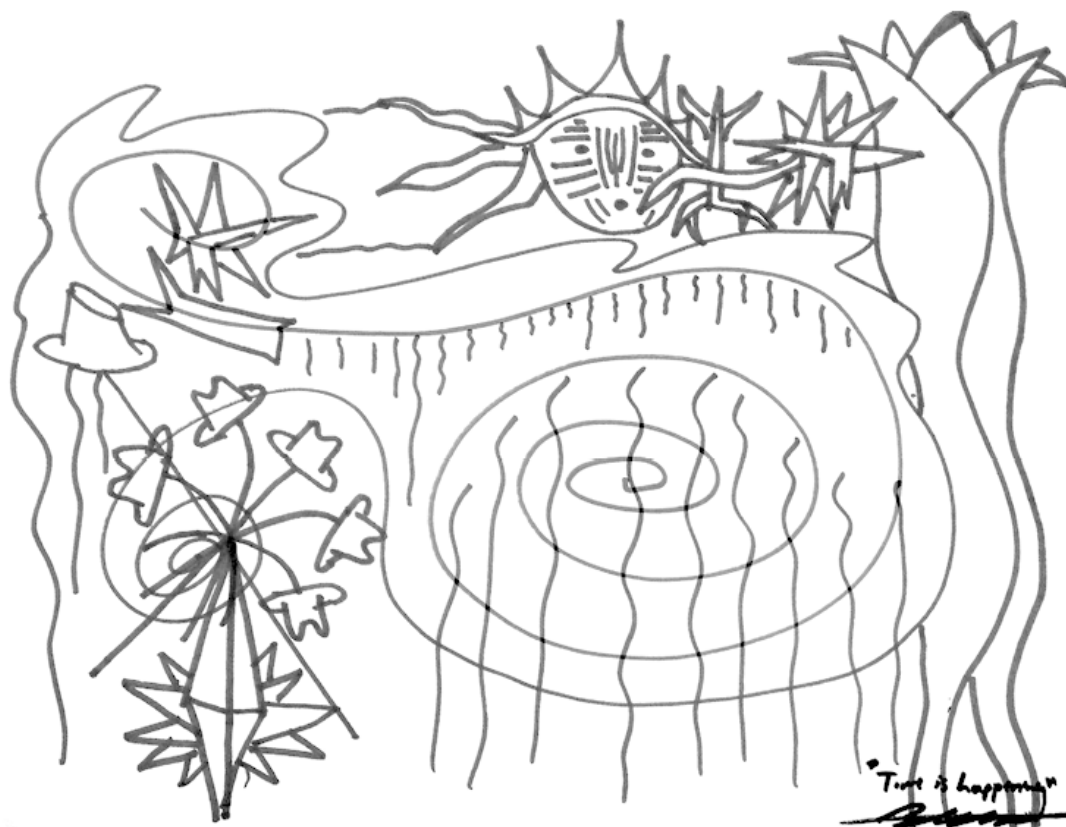
Но ничего забавного не будет, потому что то крошечное облачко безумия, которое находит на меня, когда я ищу монстров под кроватью, разрослось, застлало мне мозг и простирает надо мной свои крылья, как ангел смерти над первенцами египетскими⁴.

Сквозь стеклянную стенку Стратосферной короны с интересом смотрят хорошо одетые люди, жующие улиток и попивающие радиоактивные жидкости, и я вдруг понимаю, что вхожу в развлекательную программу. Как в цирке, все в глубине души надеются, что кого-то расплющит.

Мой страх – не просто бабочки в животе. Не выброс адреналина на вершине американских горок. Я точно – *совершенно* точно – знаю: они только притворяются, что цепляют меня к тросу. Что я непременно на огромной скорости впечатаюсь в асфальт. Правду можно прочесть в их глазах. Осознание этого убивает меня куда мучительнее, чем убило бы падение, так что я прыгаю, просто чтобы все закончилось.

Я кричу, кричу и лечу в бездонную пропасть, которая просто не может мне мерещиться, – и все-таки через восемь с половиной секунд мой полет замедляется и меня ловят у подножия башни. То, что я еще жив, настолько удивительно, что меня всего трясет. Летящего следом за мной папу по пути тошнит – единственная моя победа за вечер, – но меня все равно не покидает невыносимое чувство, что я все еще стою на краю чего-то немыслимого и оно вот-вот засосет меня, как черная дыра.

⁴ Одна из десяти казней, описанных в Пятикнижии – десяти бедствий, которые Господь послал на Египет, чтобы убедить фараона отпустить евреев из рабства.

24. Не думай, что она только твоя

Корабельная качка пробуждает меня от ночного кошмара, которого я уже не помню. Свисающий с низкого потолка каюты фонарь бешено раскачивается, отбрасывая пляшущие тени, которые поднимаются и опадают совсем как волны. Весь корабль жалобно скрипит, доски сжимаются и растягиваются, и кажется даже, будто вонючий деготь, которым они скреплены, стонет от натуги.

Штурман свешивается с верхней полки и смотрит на меня, совершенно не заботясь о том, что бушующее море вот-вот разломает корабль в щепки.

– Дурной сон? – интересуется он.

– Ага, – тоненько пишу я.

– Попал в Кухню?

Вопрос застаёт меня врасплох. Я никогда не рассказывал про этот сон.

– Ты... знаешь о ней?

– Все мы иногда попадаем в Кухню из Белого Пластика, – отвечает штурман. – Не думай, что она только твоя.

Я выхожу в коридор и с грехом пополам добираюсь до туалета. Кажется, мои ноги прикованы к полу, а руки – к стенам. Если добавить к этому страшную качку, ничего удивительного, что поход растягивается на четверть часа.

Когда я наконец возвращаюсь в каюту, штурман скидывает мне потрепанный листок бумаги, весь испещренный изогнутыми линиями и стрелками.

– Выход, паропровод, паровой, пора домой, – говорит он. – В следующий раз, когда попадешь в Кухню, возьми его с собой. Он укажет путь к выходу.

– Как я могу взять лист бумаги с собой в сон? – замечаю я.

– Тогда, – отвечает обиженный штурман, – я тебе не завидую.

25. У тебя нет разрешения

– Нарисуй меня, – приказывает попугай, глядя на мой блокнот. – Нарисуй меня. Я не смею отказаться.

– Прими какую-нибудь позу, – прошу я. Он садится на перила, гордо подняв голову и распушив перья. Я не тороплюсь. Закончив рисовать, я показываю ему плод своего труда – рисунок дымящейся кучки экскрементов.

Несколько секунд он изучает листок и заявляет:

– Больше похоже на моего брата. Конечно, после того как его проглотил крокодил.

Ему удастся заставить меня улыбнуться. Так что я делаю второй набросок: попугай во всей красе, даже с повязкой на глазу.

Однако за нами наблюдал капитан, и, когда довольный попугай улетает прочь, он отбирает у меня карандаш и блокнот. Что ж, по крайней мере, моя рука все еще при мне. По слухам, у некоторых тут деревянные ноги просто потому, что однажды их застукали за игрой в футбол на палубе.

– У тебя нет разрешения на талант, – объясняет капитан. – Чтобы не обижать тех матросов, у которых его нет.

И хотя дар приходит, не спрашивая, разрешено ему или нет, я склоняю голову и вымаливаю:

– Пожалуйста, сэр... Можно мне иметь талант к рисованию?

– Я подумаю над этим. – Он разглядывает портрет попугая, морщится и выкидывает его за борт. Потом берет в руки рисунок с экскрементами: – Очень точное сходство. – С этими словами он бросает за борт и его.

26. Всякие гадости

Наутро бармен зовет меня в воронье гнездо, чтобы смешать мне собственный коктейль. Сегодня никто не прыгает, поэтому народу почти нет.

– Эта смесь твоя и только твоя. – Он долго смотрит мне в глаза, пока я не киваю. Тогда бармен снимает со шкафа какие-то бутылки и пузырьки – при этом его руки мелькают так быстро, что кажется, будто у него их больше двух, – и смешивает все в ржавом шейкере для мартини.

– Что тут намешано? – спрашиваю я.

Бармен смотрит на меня так, как будто я сморозил какую-то глупость. Или как будто глупостью было надеяться на ответ.

– Пряности, сладости и прочие гадости, – произносит он.

– А конкретнее?

– Говяжий хрящ и позвоночник черного таракана.

– Но у тараканов нет позвоночника, – замечаю я. – Они беспозвоночные!

– Именно. Поэтому его так сложно достать.

Снизу прилетает, хлопая крыльями, попугай и садится на барную стойку. При ее виде я вспоминаю, что мне нечем платить, и сообщаю это бармену.

– Не проблема, – отзывается тот. – Страховка все покроет.

Он наполняет коктейлем фужер для шампанского и вручает мне. Жидкость пузырится красным и желтым, но цвета не смешиваются. У меня в руках лавовая лампа.

– Выпей, выпей, – подает голос попугай. Наклонив голову, он смотрит на меня здоровым глазом.

Я делаю глоток. Вкус горький, но не неприятный. Чувствуются легкие нотки бананов и миндаля.

– Пью до дна! – с этими словами я опрокидываю фужер в один глоток и ставлю пустой сосуд на стойку.

Попугай удовлетворенно склоняет голову:

– Великолепно! Будешь подниматься сюда дважды в день.

– А если я не хочу лазать в воронье гнездо?

– Тогда оно само залезет в тебя, – подмигивает попугай.

27. Немытые массы

Много лет назад мы с семьей поехали в Нью-Йорк. Поскольку все подходящие гостиницы либо были заняты, либо требовали в уплату продать душу, мы свернули с проторенной туристской тропы.

Наш отель располагался где-то в Куинсе, у черта на куличках. Район назывался Флашинг – «Смывной бачок». Отцы-основатели Нью-Йорка, как и большинство его жителей, отличались тонкой иронией.

В общем, нам приходилось всюду добираться на метро, и каждый раз нас ждали приключения. По-моему, однажды мы доехали аж до самого Статен-Айленда, а туда метро даже не ведет. У нас постоянно кончались деньги на проездных, которые тошнило цифрами с баланса каждый раз, когда мы проходили через турникеты, и папа оплакивал золотые времена жетонов, которые можно было просто высыпать в ладонь и пересчитать, на сколько поездок еще хватает.

Мама строго следила за «правилами поведения в метро»: литрами лей на себя антибактериальный гель и никогда не встречайся ни с кем глазами.

Мы прожили там неделю, и всю эту неделю я изучал людей, всю эту немытую и недезинфицированную толпу. Я обнаружил, например, что ньюйоркцы никогда не поднимают головы, чтобы полюбоваться величественными небоскребами. Они лавируют в плотной толпе так быстро и ловко, будто на них на всех тефлоновое покрытие, и почти не сталкиваются. А в метро, где нужно стоять столбом, пока тряский поезд идет от станции к станции, люди не только не встречаются глазами – каждый существует в собственном тесном мирке, как будто все надели невидимые скафандры. Это чем-то напоминает езду по автостраде, только здесь ваше личное пространство кончается в лучшем случае в сантиметре от вашей одежды. Меня изумляло, что люди могут сосуществовать так тесно – тысячи людей могут находиться буквально в миллиметре – и все же в полной изоляции друг от друга. Я не мог себе этого представить. Теперь могу.

28. Хоровод красок

И вот наш дом избавлен от термитов, и чудеса Города грехов можно забыть, как страшный сон. Но дома ничуть не легче. Меня снедает потребность бесцельно бродить взад-вперед. Когда я не слоняюсь по дому, я рисую, а если не рисую, то размышляю – и мысли заставляют меня блуждать и рисовать. Может, это пары пестицидов так действуют.

Я сижу в столовой. Передо мной на столе разложены цветные карандаши, пастель и уголь. Сегодня я рисую карандашами, но так крепко в них вцепляюсь и так сильно нажимаю, что они постоянно ломаются. И не только кончики – дерево так и трещит. Я бросаю обломки через плечо, не отрываясь от занятия.

– Ты похож на безумного ученого, – замечает мама.

Я слышу ее слова секунд через десять. Отвечать уже поздно, я и не заморачиваюсь. Все равно я слишком занят. Мне надо вылить кое-что из головы на бумагу, прежде чем оно перекрутит мне извилины. Пока разноцветные линии не вошли мне в мозг, как нож в масло. Мои рисунки потеряли всякую форму. Теперь это просто наброски и наметки, случайные штрихи карандаша – и все же они исполнены смысла. Не знаю, увидит ли в них кто-нибудь то, что вижу я. Но рисунки ведь должны что-то значить? Иначе откуда они берутся? Иначе почему голос в моей голове так упорно требует выплеснуть их наружу?

Карандаш цвета фуксии ломается. Я бросаю его и берусь за киноварный.

– Мне не нравится, – замечает Маккензи, проходя мимо с ложкой арахисового масла, которую она лижет, как леденец. – Мурашки по коже.

– Я рисую только то, что нужно. – Меня вдруг озаряет вспышка вдохновения: я макаю палец в ее ложку и провожу через весь лист охристую дугу.

– Мама! – вопит сестра. – Кейден рисует моим арахисовым маслом!

– И поделом, – отзывается мама. – Нечего перебивать аппетит.

Но когда она выглядывает из кухни и видит, что я рисую, я чувствую ее беспокойство, как тепло от батареи – что-то еле ощутимое, но постоянное.

29. Я дружу с тарабарами

Я обедаю с друзьями. И все же меня тут нет. То есть, конечно, вот он я, но я не чувствую, что сижу *с ними*. Раньше я всегда без труда вливался в любую компанию, с которой проводил время. Некоторым, чтобы чувствовать себя в безопасности, нужна кучка приятелей, этакий защитный дружеский пузырь, из которого они редко вылезают. Я таким никогда не был и всегда свободно бродил от стола к столу, от компании к компании. Качки, ботаны, хипстеры, рокеры, скейтеры... Все они считали меня своим, как будто я хамелеон. Тем более странно обнаружить, что я оказался наедине с собой, даже сидя с приятелями.

Друзья уплетают обед и смеются над чем-то, чего я не услышал. Не то чтобы я намеренно отгораживаюсь от них, мне просто никак не удастся включиться в разговор. Их смех доносится издалека, как будто я заткнул уши ватой. Это случается все чаще и чаще. У меня такое ощущение, что они говорят даже не по-английски, а на каком-то своем тарабарском наречье. Все мои друзья – тарабары. Обычно я им подыгрываю и смеюсь вместе со всеми, чтобы казалось, что я один из них. Но сегодня у меня нет настроения прикидываться. Мой приятель Тейлор, чуть повнимательнее остальных, замечает мой отсутствующий вид и похлопывает меня по руке:

– Земля – Кейдену Босху. Парень, ты где?

– Вращаюсь вокруг Урана, – отзываюсь я. Все вокруг смеются и долго подкалывают меня по-тарабарски – я снова отключился.

30. Мушиный полет

Экипаж занят своим делом – беготней по палубе безо всякой видимой цели, – а капитан смотрит на нас с высоты капитанского мостика. Как проповедник, он кормит нас своим собственным сортом мудрости.

– Благословляйте судьбу, – учит капитан. – И горе вам, если она не благословит вас в ответ!

Попугай по одному облетает матросов: садится каждому на плечо или на макушку, сидит так несколько секунд и перелетает дальше. Интересно, что он задумал.

– Сжигайте мосты, – продолжает капитан. – Желательно еще до того, как пройдете по ним.

Штурман сидит на протекающей бочке с какой-то дрянью: раньше там была еда, но, судя по запаху, она успела разложиться на составные элементы. Он прокладывает курс, наблюдая за роящимися вокруг бочки мухами.

– Их полет укажет путь точнее звезд, – объясняет он. – Потому что у навозных мух отличный слух и фасеточные глаза.

– И какой с них толк? – отваживаюсь спросить я.

Штурман смотрит на меня так, как будто ответ очевиден.

– Глаза-фасетки обманут редко.

Кажется, я понял, почему они так хорошо ладят с капитаном.

Я слоняюсь по палубе, наконец попугай садится на плечо ко мне.

– Матрос Босх! Держись, держись! – Он заглядывает своим единственным глазом мне в ухо и удовлетворенно кивает головой: – Еще на месте. Повезло, повезло.

Наверное, он про мой мозг.

Птица уже улетела проверять уши другого матроса. Я слышу низкий разочарованный свист: то, что попугай нашел – или чего не нашел – между ушами парня, его не радует.

– Бояться нужно только страха, – вещает капитан с мостика, – ну и хищных монстров иногда.

31. Это все, чего они стоят?

Хотя пестициды из дома уже выветрились, термиты не идут у меня из головы. Если говорят, что после антибактериального мыла появляются сверхбактерии, то почему бы у нас дома не завестись сверхтермитам? Я сижу с блокнотом в гостиной, в кресле-качалке стиля нью-эйдж, оставшемся с тех времен, когда мама кормила нас с Маккензи грудью. Должно быть, у меня с тех пор остались какие-то инстинкты, потому что, раскачиваясь в нем, я чувствую себя немного спокойнее и комфортнее – хотя, слава богу, память о грудном молоке затерялась где-то в потоке времени.

Но сегодня я почему-то не могу успокоиться. У меня в голове копошатся какие-то все более противные создания. Я рисую их, надеясь таким образом выкинуть сверхтермитов из головы.

В какой-то момент я поднимаю глаза: рядом стоит мама и наблюдает за мной. Не знаю, сколько она уже здесь. Снова опустив взгляд, я вижу, что лист остался чистым. Я ничего не нарисовал. Я листаю блокнот в надежде отыскать свежий рисунок на предыдущей странице, но там его тоже нет. Термиты прочно засели в моем мозгу и не желают вылезать.

Маму, должно быть, беспокоит выражение моего лица.

– Пенни за твои мысли!

Я не хочу делиться с ней своими мыслями и начинаю придираться к словам:

– А что, это все, чего они стоят? Пенни, не больше?

– Кейден, это просто идиома, – вздыхает мама.

– Значит, узнай, когда придумали эту идиому, и сделай поправку на инфляцию.

Мама качает головой:

– Только ты на такое способен, Кейден, – и оставляет меня наедине с мыслями, которые я не хочу так дешево продавать.

32. Меньше чем ничего

Я где-то читал, что пенни скоро вообще выведут из оборота, потому что на них не купить ничего, кроме чужих мыслей. Суммы на банковских счетах округлят до пятака. Фонтаны начнут выплевывать медяшки обратно. Издадут закон, по которому все цены будут оканчиваться на ноль или пять – и никаких других цифр. Вот только эти цифры *все равно* существуют, даже если все это отрицают.

Мне вспоминаются жетоны метро, никому не нужные с тех пор, как Нью-Йорк решил перейти на магнитные карты. Никто не знал, куда девать столько лишнего металла. Жетонов было так много, что хватило бы на целую драконью сокровищницу, вот только такая гора олова не нужна даже невезучему младшему брату Смауга⁵, а недвижимость в Нью-Йорке стоит столько, что потребовались бы астрономические суммы, чтобы хранить их на складе. Спорю на что угодно, что правительство просто заплатило мафии, чтобы та сбросила жетоны в Ист-Ривер вместе с телом менеджера, который решил, что магнитные карточки в метро – хорошая идея.

Если пенни совсем обесценится, выходит, наши мысли будут стоить даже меньше, чем ничего. Мне грустно думать о том, как миллионы медных кружочков пропадают в желтой воронке. Интересно, куда они отправятся потом. Мысли не могут исчезать в пустоту.

⁵ Персонаж Дж. Р. Р. Толкиена из повести «Хоббит, или Туда и обратно».

33. Слабость покидает тело

Я решаю записаться в команду по легкой атлетике, чтобы меньше предаваться праздным размышлениям и восстановить связь с остальным человечеством. Папа просто счастлив. Он явно про себя отмечает это как переломный момент моей жизни, конец трудного периода. Помоему, он так этого хочет, что не замечает, что мое поведение не стало менее странным, – но, когда папа верит, что мне лучше, я тоже начинаю в это верить. Забудьте о солнечных батареях – научиться бы добывать электричество из отказа признавать очевидное, и энергии хватит еще на много поколений.

– Ты всегда быстро бегал, – замечает отец. – С твоими длинными ногами отлично пойдет бег с препятствиями.

Сам папа в мои годы играл в школьной сборной по теннису. У нас сохранились его фотографии: смешные обтягивающие адидасовские шорты и собранные повязкой длинные волосы, большую часть которых с тех пор смыло в канализацию.

– Тренер хочет, чтобы мы всюду ходили пешком или бегали, – говорю я родителям и начинаю ходить пешком в школу и обратно. На ногах появляются мозоли и болячки, все время ноют щиколотки.

– Это правильная боль, – говорит папа и цитирует какого-то знаменитого тренера: – Боль означает, что слабость покидает тело.

Мы покупаем дорогие кроссовки и хорошие носки. Родители обещают прийти на мои первые соревнования, даже если им придется отпроситься с работы. Все это было бы прекрасно, если бы не одно «но». Я так и не вошел в команду.

Сначала я даже не врал. Я действительно ходил на тренировки, но всего три дня. Как бы ни старался, я просто не мог ощутить себя частью команды. В последнее время вокруг меня какая-то защитная воздушная прослойка, вроде как в метро. Когда мне приходится много взаимодействовать с другими людьми, как в команде, она становится только толще. Папа всегда учил меня не быть дезертиром, но покинуть что-то, чему никогда не принадлежал, – это же не дезертирство?

Теперь после школы я не бегаю, а хожу. Раньше ходьба была просто способом попасть из пункта А в пункт Б, сейчас же она стала не только средством, но и целью. Меня всегда тянуло заполнить чистый лист рисунками, а теперь я не могу смотреть на свободный тротуар и не заполнить его собой. Я хожу часами напролет, от этого у меня мозоли и ноют мышцы. И я наблюдаю. Точнее, не столько наблюдаю, сколько чувствую. Цепочки связей между прохожими, между сидящими на деревьях птицами. Все это что-то значит, надо только разгадать, что именно.

Однажды я заявляюсь домой, два часа пробродив под дождем, продрогший до костей и внасквозь мокрой толстовке.

– Я поговорю с этим вашим тренером, – решает мама, наливая мне горячего чая. – Он не должен заставлять вас бегать в такой ливень.

– Мам, не надо! – прошу я. – Я не ребенок! Вся команда тренируется в любую погоду, мне не нужно какое-то особое отношение.

Интересно, когда я успел так хорошо научиться обманывать.

34. За ее спиной

– Кейден, – подзывает меня капитан, – тебе предстоит показать, из какого теста ты слеплен и подходишь ли для великой миссии. – Он кладет мне руку на плечо и до боли сжимает его, а потом показывает на нос корабля. – Видишь бушприт? – Он указывает на торчащий вперед отросток вроде мачты, похожий на нос пару-тройку раз совравшего Пиноккио. – Солнце опалило его, а море просолило. Настало время его отполировать. – Он вручает мне тряпку и банку политуры. – За дело, парень! Если справишься и не погибнешь, то войдешь в круг избранных.

– Мне и вне его неплохо, – отзываюсь я.

– Ты не понял, – сурово произносит капитан. – У тебя нет выбора. – Видя, что я не спешу браться за дело, он рычит: – Ты поднимался в воронье гнездо! Ты совершал там гнусные возлияния! По глазам вижу! – Я встречаюсь взглядом с сидящим на его плече попугаем, и птица качает головой: мол, держи рот на замке. – Не лги мне, мальчишка!

Я и не лгу. Вместо этого я замечаю:

– Сэр, если хотите, чтобы я все сделал как следует, дайте мне тряпку побольше и ведро поглубже.

Капитан еще секунду испепеляет меня взглядом, потом разражается громовым хохотом и приказывает другому матросу обеспечить меня всем необходимым.

К счастью, море спокойно. Нос только слегка покачивается в такт волнам. У меня нет ни веревки, ни какой-либо другой страховки. Мне предстоит залезть на самый кончик огромного бруса и полагаться только на собственную ловкость: одно неверное движение – и я свалюсь в воду, меня утянет под корабль и располосует о покрытое рыбами-прилипалами днище.

С тряпкой в одной руке и ведром в другой я лезу вперед, обнимая бушприт ногами, чтобы не рухнуть в бездонную синеву. Единственный способ справиться с задачей – начать с самого дальнего конца и постепенно двигаться назад, потому что полированная поверхность слишком скользкая. Я осторожно добираюсь до верхушки бруса и принимаюсь за дело, стараясь не думать о том, что ждет внизу. Руки ноют от тяжелой работы, ноги – от крепкой хватки. Кажется, это длится вечность, но вот наконец я у самого носа.

Я осторожно разворачиваюсь лицом к кораблю. Капитан широко улыбается:

– Сработано на совесть! Теперь спускайся, пока море или какое-нибудь его порождение не сожрало твою частично бесполезную задницу. – С этими словами он уходит, радуясь, что достаточно меня помучил.

То ли успех вскружил мне голову, то ли море злится, что не получило меня, но, когда я пытаюсь перебраться на нос, корабль неожиданно подбрасывает набежавшей волной. Я теряю равновесие и соскальзываю с бушприта.

Тут бы мне и конец пришел, но кто-то ловит меня, и я повисаю на одной руке прямо над бушующими волнами.

Я поднимаю глаза, чтобы узнать, кто же спас мне жизнь. Держащая меня рука – коричневого цвета и совсем не похожа на живую плоть. Она какая-то серо-бурая, с грубыми, твердыми пальцами. Проследив глазами, откуда выходит рука, я понимаю, что меня держит статуя – деревянная женщина, вырезанная на носу под бушпритом. Я не знаю, пугаться мне или благодарить судьбу, – и вдруг перестаю бояться, осознав, как она прекрасна. Деревянные волны ее волос уходят в корабельные доски. Ее идеальное тело вырастает из носа галеона, как будто нет ничего естественнее. Ее лицо не столько знакомо мне, сколько напоминает лица девушек, которых я видел в своих потаенных фантазиях. Девушек, одна мысль о которых заставляет меня покраснеть.

Фигура изучает меня, висящего у нее в руке, темными, как красное дерево, глазами.

– Следовало бы тебя бросить, – произносит она. – Ты смотришь на меня как на вещь.

– Но ты и есть вещь, – замечаю я и понимаю: если я хочу выжить, этого не следовало бы говорить.

– И что с того? Мне не нравится, когда ко мне относятся подобным образом.

– Спаси меня! Пожалуйста! – прошу я. Мне стыдно, что приходится умолять, но выбора нет.

– Я над этим думаю.

Фигура крепко меня держит: пока она думает, я точно не упаду.

– За моей спиной много всякого происходит, не правда ли? – спрашивает она. Поскольку за ее спиной весь корабль, я не могу этого отрицать. – Они плохо обо мне отзываются? Капитан и его птица? Матросы и их засевшие в трещинах чудовища?

– Они о тебе вообще не говорят, – отвечаю я. – По крайней мере, при мне.

Ей не нравится мой ответ.

– Воистину, с глаз долой – из сердца вон, – произносит она с липкой горечью дубового сока и продолжает рассматривать меня. – Я сохраню тебе жизнь, – говорит наконец статуя, – если ты обещаешь рассказывать мне обо всем, что творится за моей спиной.

– Обещаю.

– Очень хорошо. – Она сжимает мою руку еще крепче – там будет огромный синяк, но мне все равно. – Тогда навещай меня, чтобы скрасить мое существование. – Она ухмыляется: – Может быть, однажды я позволю тебе полировать меня, а не только бушприт.

Она начинает раскачивать меня, как маятник, и наконец перекидывает через нос. Я больно шлепаюсь на палубу.

Я оглядываюсь. Рядом никого нет. Каждый предается своему собственному безумию. Я решаю сохранить нашу встречу в тайне. Может быть, деревянная статуя окажется союзником, когда мне понадобится помощь.

35. Подозрительные лица

Команда, достойная великой миссии, наконец набрана. Мы, полдюжины человек, собираемся в картографической комнате – своего рода библиотеке рядом с каютой капитана. Комната завалена свитками карт, на части из которых успел уже отметить штурман. Вокруг заляпанного чернилами стола – шесть стульев. Со мной сидят штурман и девочка в жемчужном чокере с гримасой ужаса на лице. Напротив расположились еще одна девушка с волосами синее моря на Таити, парень постарше, которого Бог забыл снабдить скулами, и неперенный толстяк.

Во главе стола стоит капитан. У него нет стула. Так и задумано. Он возвышается над нами. Мерцающая за спиной капитана лампа отбрасывает на стол тень в виде дрожащей кляксы, с искажениями повторяющей движения капитана. Попугай примостился на груди свитков, запуская когти в пергамент.

Карлайл, уборщик, тоже тут. Сидит на стуле в углу и обстругивает ручку своей швабры, как будто хочет превратить ее в очень тонкий тотемный столб. Он наблюдает за всеми, но первое время помалкивает.

– Мы качаемся на волнах, таящих неизведанное, – начинает капитан. – В темной, дробящей кости глубине скрываются горы загадок... Но все вы знаете, что нас больше занимают не горы, а долины. – На этих словах его единственный глаз уставился на меня. Я понимаю, что он смотрит на всех нас, но мне все равно кажется, что он источает всю эту пиратскую романтику ради меня одного. – Да-да, долины и впадины. Особенно одна – Марианская. И то место в ее холодной глубине, которое называется Бездной Челленджера.

Попугай садится ему на плечо.

– Наблюдали за вами мы с капитаном, – произносит птица. Сегодня она говорит, как мастер Йода.

– Действительно, мы тщательно изучали вас, – подхватывает капитан, – и с гордостью убедились, что именно вы достойны играть важнейшую роль в нашей миссии.

Я закатываю глаза: больно неуклюже он косит под пирата. Небось даже пишет все через тройное «р».

На мгновение все замолкают. Из угла, не прекращая обстругивать ручку швабры, подает голос Карлайл:

– Конечно, я всего лишь муха на стене, но, по-моему, вам шестерым не помешало бы поделиться своими мыслями.

– Говорите, – приказывает попугай. – Говорите, не томите, все, что знаете про впадину, скажите!

Капитан молчит. Похоже, его немного раздражает, что инициативу перехватили попугай и уборщик. Он гордо скрещивает руки на груди и ждет, пока кто-нибудь подаст голос.

– Ладно, я буду первой, – говорит девочка в жемчужном чокере. – Там глубоко, темно и страшно, а еще жуткие чудовища, о которых я даже говорить не хочу... – и она рассказывает о монстрах, про которых никто не хочет слышать, пока ее не перебивает классический жирдяй.

– Нет! – возражает он. – Самые страшные чудища не на дне впадины, они охраняют подходы к ней! И растерзают тебя прежде, чем ты спустишься туда!

Девочка в чокере, хоть и заявляла, что не хочет об этом говорить, очевидно, все же хотела, потому что теперь она страшно недовольна, что ее перебили. Всеобщее внимание обращается на толстого парня.

– Продолжай! – приказывает капитан. – А вы все слушайте.

– Ну... Монстры не подпускают людей к впадине, убивая и поедая всех, кто подойдет поближе. Не съест один – значит, проглотит другой.

– Отлично! – произносит капитан. – Ты умеешь рассказывать предания.

– Сказителем! – кричит попугай. – Быть ему сказителем!

– Тут все ясно, – соглашается капитан. – Назначаю тебя знатоком преданий.

Толстячок напуган:

– Но я ничего в этом не смыслю! Я просто вспомнил ваши речи!

– Тогда учись. – Капитан снимает с полки, которой секунду назад там не было, фолиант размером с большой словарь и бросает на стол перед носом бедного парня.

– Спасибо, что поделились, – подает голос Карлайл, стряхивая с ножа опилки.

Капитан поворачивается к синеволосой девочке – ее очередь внести свою лепту. Говоря, она смотрит куда-то вбок, как будто нежелание смотреть в глаза – уже бунт против власти.

– Там должно быть затонувшее сокровище или что-нибудь такое. Иначе зачем мы туда вообще плывем?

– Это так, – подтверждает капитан. – Все затонувшие сокровища стремятся к самой низкой точке. Золото, бриллианты, изумруды и рубины, поглощенные жадным морем, влечутся его мокрыми щупальцами по дну и падают в Бездну Челленджера. Море собирает королевскую дань, не трудясь сначала выиграть войну.

– Война-вина-визы-призмы-жизни, – подает голос штурман. – Во впадине живут неизвестные науке формы жизни и ждут своего исследователя.

– И кто же этот исследователь? – интересуется парень без скул.

Капитан поворачивается к нему:

– Ты задал вопрос – ты и предскажешь ответ. – Он обращается к попугаю: – Принеси ему кости.

Птица пересекает комнату и возвращается с кожаным мешочком в клюве.

– Мы назначим тебя пророком, и ты будешь гадать по костям, – продолжает капитан.

– Вот, – объявляет попугай, – кости моего папаши.

– Мы съели его в одно прекрасное Рождество, – добавляет капитан, – когда никто не хотел быть индейкой.

Я сглатываю и вспоминаю Кухню из Белого Пластика. Капитан поворачивается ко мне: оказывается, все остальные уже высказались. Я обдумываю услышанное и начинаю злиться. Единственный глаз капитана налился кровью, а попугай кивает в ожидании новой порции ерунды в добавление к тому, что он уже услышал.

– Марианская впадина, – начинаю я, – глубиной почти одиннадцать километров. Это самая глубокая точка Земли. Расположена к юго-западу от острова Гуам, которого даже нет на вашем глобусе.

Капитанский глаз открывается так широко, что кажется, – у него вовсе нет век.

– Продолжай.

– Впервые исследована в 1960 году Жаком Пикаром и лейтенантом Доном Уолшем на батискафе под названием «Триест». Они не нашли ни монстров, ни сокровищ. Даже если там что-то такое есть, вам дотуда не добраться без батискафа – огромного колокола из железа со стенками толщиной не меньше пятнадцати сантиметров. Но это судно – просто старый парусник, поэтому я сильно сомневаюсь, что у нас на борту имеется такая техника. Так что все это – напрасная трата времени.

Капитан скрещивает руки.

– Да ты просто ходячий анахронизм. И почему ты во все это веришь?

– Потому что я делал об этом доклад. Кстати, получил за него пятерку.

– Верится с трудом. – Он обращается к Карлайлу: – Уборщик! Этот матрос только что заработал двойку. Приказываю выжечь ее у него на лбу.

Пророк хмыкает, сказитель стонет, а все остальные пытаются понять, пустая ли это угроза или сейчас будет весело.

– Все свободны, – произносит капитан, – кроме нашего наглого двоечника.

Все спешат наружу, штурман кидает на меня сочувствующий взгляд. Карлайл куда-то убегает и тут же возвращается с клеймом, уже раскаленным докрасна, будто кто-то предусмотрел все заранее. Два безымянных пирата прижимают меня к переборке, и мне никак не удается вырваться.

– Прости, парень, – говорит Карлайл с клеймом в руках. Я за полметра чувствую исходящий от него жар.

Попугай улетает, не желая этого видеть, а капитан, прежде чем отдать приказ, наклоняется ко мне. Я чую запах его дыхания – кусочки несвежего мяса, вымоченного в роме.

– Это не тот мир, к которому ты привык, – говорит он.

– Тогда что это за мир? – спрашиваю я, стараясь не показывать страха.

– А ты не знаешь? «Мир смеха, мир слез»⁶. – Капитан приподнимает повязку на глазу – под ней зияет ужасная дыра, заткнутая персиковой косточкой. – По большей части слез.

И он делает Карлайлу знак вклеить мне двойку за доклад.

⁶ «It's a world of laughter, a world of tears» – строчки из песни It's a Small World, которая звучит во время поездки на одноименном аттракционе в Диснейленде. Песня написана братьями Шерман в 1963 году.

36. Без нее мы погибнем

Заклеймив меня, капитан тут же становится мягким и деликатным. Похоже, ему даже стыдно, хотя прощения он не просит. Он сидит у моей постели и смачивает рану водой. Иногда заглядывают Карлайл и попугай – но ненадолго. Они удаляются, едва завидев капитана.

– Это все птица виновата, – говорит он. – А еще Карлайл. Они вдвоем забивают тебе голову всякой ерундой, стоит мне отлучиться.

– Вы никогда не отлучаетесь, – напоминаю я.

Он делает вид, что не слышит, и снова смачивает мне лоб.

– Вылазки в чертово воронье гнездо тоже не идут тебе на пользу. Долой выпивку – за борт дьявольское зелье! Попомни мои слова, от этих адских смесей ты сгниешь изнутри!

Я не говорю ему, что это попугай настоял, чтобы я выпил.

– Ты поднимаешься туда, чтобы влиться в команду, – продолжает капитан. – Я тебя понимаю. Лучше выплескивай эту гадость за борт, когда никто не смотрит.

– Буду иметь в виду. – Я вспоминаю одинокую девушку, украшающую нос: она назначила меня своими глазами и ушами на корабле. Думаю, если капитан хоть когда-нибудь отвечает на вопросы прямо, то самое время попробовать его расспросить, пока ему стыдно за пылающую отметину у меня на лбу. – Когда я лазал на бушприт, я нашел статую. Она очень красива.

– Подлинный шедевр, – кивает капитан.

– Моряки верят, что такие фигуры защищают корабль. Что вы об этом думаете?

Капитан глядит на меня с любопытством, но почти без подозрения:

– Это она тебе сказала?

– Она деревянная, – быстро говорю я. – Как она могла что-нибудь сказать?

– Ну да. – Капитан накручивает на палец бороду и произносит: – Она защитит нас от опасностей, которые ждут нас у впадины. От чудовищ, навстречу которым мы плывем.

– Она имеет над ними власть?

Капитан осторожно подбирает слова:

– Она наблюдает. Она видит то, чего никто больше не видит, ее видения гуляют по кораблю и помогают ему выдерживать атаки. Она – наш талисман, а ее взгляд способен зачаровать любое морское чудовище.

– Хорошо, что мы под ее защитой, – замечаю я. Лучше больше не спрашивать, чтобы не вызвать подозрений.

– Без нее мы погибнем, – говорит капитан и поднимается на ноги. – Утром жду тебя на перекличке. И никаких жалоб! – С этими словами он покидает каюту, по пути бросив мокрую тряпку штурману, который явно не расположен со мной нянчиться.

37. Слепой на третий глаз

Голова раскалывается, как будто мой лоб прожгли насквозь. Я не могу сосредоточиться на домашнем задании или на чем-нибудь еще. Боль приходит и уходит, с каждым разом становясь чуть сильнее. Чем больше я думаю, тем сильнее болит голова, а в последнее время мои мозги постоянно перегружены. Чтобы облегчить боль, я постоянно хожу принять душ – так поливают водой перегретый двигатель. После третьего или четвертого душа обычно становится полегче.

Сегодня, в очередной раз выйдя из душа, я спускаюсь к маме попросить аспирина.

– Ты ешь слишком много аспирина, – замечает она и протягивает мне баночку парацетамола.

– Гадость! – говорю я.

– Зато помогает при лихорадке.

– Меня не лихорадит. У меня на лбу растет чертов глаз!

Мама всматривается в мое лицо, пытаюсь понять, серьезно ли я. Я не выдерживаю:

– Шутка, шутка.

– Ясное дело. – Мама отворачивается. – Я просто смотрела, как ты морщишь лоб. От этого голова и болит.

– Можно мне аспирина?

– Как насчет адвила?

– Давай. – Он обычно помогает, хотя, когда лекарство перестает действовать, я становлюсь дико раздражительным.

Я отправляюсь в ванную с бутылкой «Маунтин Дью» и глотаю три таблетки, слишком злой, чтобы ограничиться положенными двумя. Я замечаю в зеркале складки на лбу, о которых говорила мама, пытаюсь их разгладить, но не могу. Мое отражение выглядит обеспокоенным. Беспокоюсь ли я? Вроде бы нет, но мои эмоции стали такими жидкими, что спокойно перетекают друг в друга, а я и не замечаю. Теперь я понимаю, что все-таки беспокоюсь. О том, что я беспокоюсь.

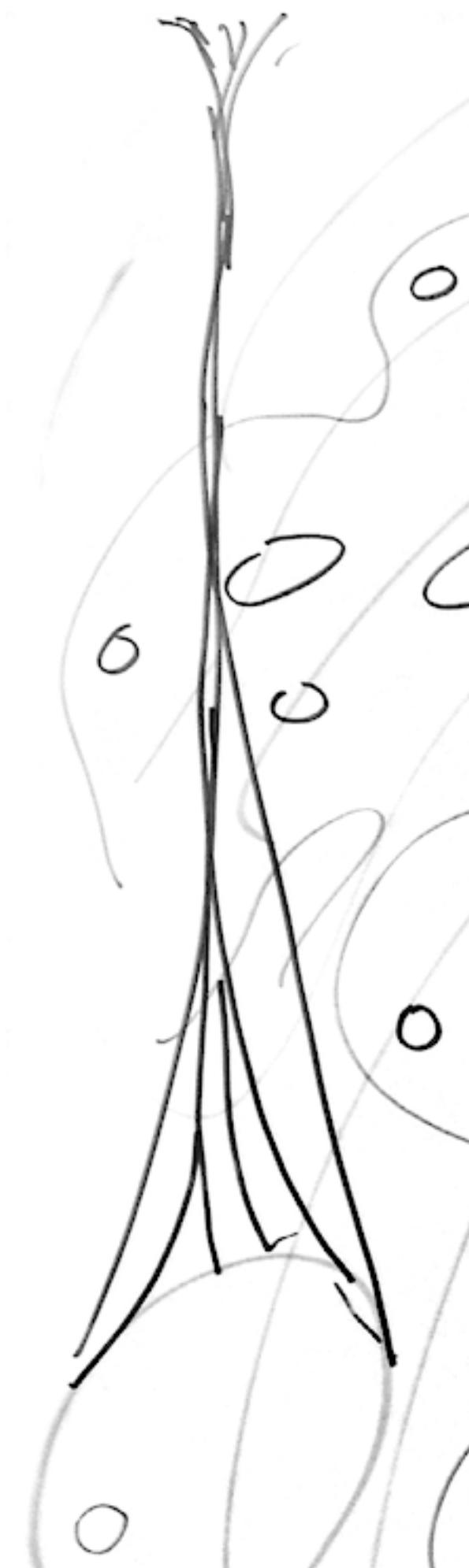
38. А вот и хоботок!

Мне снится сон, в котором я свисаю с потолка. Мои ноги сантиметров на десять не достают до пола. Впрочем, поглядев вниз, я понимаю, что у меня нет ног. Мое туловище удлинилось, утончилось и извивается, как будто я червяк, подвешенный кем-то высоко над землей. На чем, кстати, меня подвесили? Похоже, я попал в какую-то сеть органического происхождения. В густую, липкую паутину. Меня передергивает при мысли о том, кто мог такое соткать.

Я могу шевелить руками, но сдвинуть их хоть на сантиметр – такое нечеловеческое усилие, что дело того не стоит. Кажется, я здесь не один, но остальные висят сзади, так что их не видно даже боковым зрением.

Вокруг темно, хотя точнее было бы сказать бессветно. Как будто понятия света и тьмы еще не возникли и все вокруг равномерно окрашено темно-серым. Интересно, не так ли выглядела и вселенская пустота перед началом всего? В этом сне нет даже Кухни из Белого Пластика.

Из бессветия вылетает попугай и с важным видом направляется ко мне. Здесь мы одного роста. Непривычно и страшно видеть птицу таких габаритов – пернатого динозавра с клювом, способного в один присест откусить мне голову. Он оглядывает меня со своей вечной ухмылкой и, похоже, доволен моим безвыходным положением.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает он.

«Как будто я жду, пока кто-то не высосет из меня кровь», – пытаюсь сказать я, но получается только:

– Жду.

Попугай смотрит куда-то мне через плечо. Я пытаюсь повернуть голову, но не могу пошевелиться.

– А вот и хоботок! – произносит птица.

– Какой еще хоботок? – спрашиваю я, запоздало понимая, что лучше бы не знать.

– Он ужалил тебя. Ты почувствуешь только боль от укуса, а потом заснешь.

И правда – меня сильно и больно жалят. Я не могу сказать, куда именно – в спину? в бедро? в шею? Потом я понимаю: всюду одновременно.

– Ну вот, не так уж и больно, а?

Я даже не успеваю как следует испугаться, когда яд начинает действовать и мне становится наплевать. Вообще на все. Я вишу в абсолютной гармонии с миром, и меня медленно поглощают.

39. Созвездие «Скантрон»⁷

У нас контрольная по естествознанию, к которой я впервые в жизни не готовился. Мне приходит в голову, что мне не надо ее писать, потому что я знаю больше учителя. Гораздо больше. Я знаю то, чего даже в учебнике нет. Мне понятно устройство любого организма вплоть до клеточного уровня. Потому что я до этого додумался. Я просто знаю, как устроена Вселенная. Меня распирает от знаний. Как можно держать столько всего в голове и не взорваться? Теперь-то понятно, почему она постоянно болит. Я не могу описать словами свои знания. Слова бесполезны. Зато я могу нарисовать. Уже пробовал. Но нужно понимать, кому можно показывать, что я знаю, а кому нет. Не все хотят, чтобы знания распространялись.

– У вас сорок минут. Пожалуйста, рассчитывайте свое время.

Я хмыкаю. В словах учителя есть что-то смешное, но я не могу объяснить, что именно.

Едва получив бланк «Скантрон» и пробежав его глазами, я понимаю, что на бумаге не настоящий тест. Истинное задание лежит где-то глубже. То, что я не могу сфокусироваться на вопросах, ясно указывает, что нужно искать другой смысл.

Я беру карандаш и начинаю закрашивать кружочки на бланке – и мир исчезает. Время исчезает. Я нахожу в рядах одинаковых кружочков скрытые взаимосвязи. Вот он, ключ ко всему! И вдруг...

– Карандаши на стол! Время вышло. Сдавайте работы.

Сорок минут прошли незаметно. Я оглядываю обе стороны бланка и вижу невероятные созвездия, которых не найдешь на небесах и в которых больше смысла, чем в звездах нашего неба. Осталось только, чтобы кто-то соединил точки.

⁷ Scantron – название компании, которая производит экзаменационные бланки.

40. Ад на плаву

Девочку с голубыми волосами назначили хранительницей сокровищ и выдали ей целый сундук торговых деклараций с затонувших кораблей. Ее задача – читать их в поисках сведений об ожидающих нас сокровищах, отыскивая те в списках грузов. Кажется, не так уж и плохо, вот только все страницы разорваны на мелкие клочки и их надо еще склеить. Бедняжка трудится над этим день и ночь.

Пухлый парень, которого теперь все зовут сказителем, пытается почерпнуть хоть что-нибудь из огромного фолианта. Увы, вся книга написана рунами языка, который мне кажется либо мертвым, либо вымышленным.

– Это ад на земле! – в отчаянии выдает сказитель. Попугай, успевающий слышать что угодно чуть ли не до того, как это звучит вслух, поправляет: поскольку земли даже с вороньего гнезда не видно, лучше было бы назвать ситуацию «адам на плаву».

Девочка в чокере отвечает за поднятие боевого духа – что странно, сама-то она всегда мрачнее тучи.

– Мы все умрем, и это будет больно, – постоянно повторяла она, хотя каждый раз ей удавалось подобрать новый синоним. Тоже мне боевой дух.

Парень с мешочком костей неплохо наострился предсказывать будущее. Он повсюду таскает останки попугайского папаши, готовый по первому слову капитана разложить их и выдать пророчество.

Повелитель костей признается мне, что большую часть предсказаний он выдумывает, но говорит достаточно туманно, чтобы ему поверил каждый, кому этого действительно хочется.

– Почему ты так уверен, что я тебя не выдам? – интересуюсь я.

Он улыбается:

– Я легко могу напророчить, что матрос, которому на роду написаны слава и богатство, швырнет тебя за борт.

После чего, конечно, дни мои будут сочтены. Должен признаться, этот парень не дурак.

Штурман занят тем же, чем и всегда. Прокладывает курсы и ищет, чему бы довериться, чтобы добраться до впадины и вернуться назад.

– На тебя у капитана особые планы, – говорит он мне. – Думаю, тебе понравится. – Потом он каким-то образом в четыре шага делает из «особых планов» «опухшие гланды» и начинает обеспокоенно ощупывать свое горло.

– Ты, мой дерзкий двоечник, – говорит мне капитан, – будешь нашим придворным художником. – Одно упоминание отметки заставило мой лоб заболеть с новой силой. Хорошо, что на корабле нет ни одного зеркала, так что я хотя бы не вижу клейма. – Твоя задача – вести бортовой журнал в картинках.

– Капитан предпочитает рисунки словам, – шепчет мне на ухо штурман, – потому что не умеет читать.

41. Ничего интересного

Я знаю, что должен ненавидеть капитана всей душой, и все-таки не могу. Не знаю почему. Причины, должно быть, зарыты на глубине Марианской впадины – они явно скрываются там, куда свет-то попадает, только если принести его с собой, а у меня с ним сейчас туго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.